

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ВСЕ РЕКИ ПЕТЛЯЮТ

ОТ АЛЬБИОНА ДО ЯМАЙКИ

СЕРГЕЙ КАЛАШНИКОВ

Военная боевая фантастика

Сергей Калашников

**Все реки петляют. От
Альбиона до Ямайки**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Калашников С. А.

Все реки петляют. От Альбиона до Ямайки / С. А. Калашников —
«Издательство АСТ», 2019 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-155435-4

Попадание сознания нашего соотечественника и современника в ребенка, живущего в Англии в конце XVII века. События разворачиваются в эпоху взрослеющего Петра I и завершаются Северной войной. Британия в период начала промышленной революции, Карибское море, пираты. Налаживание перевозок по рекам Московии, взятие Петром Азова, кругосветка под парусами, сражения с Китаем на Амуре, царевна Софья...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-155435-4

© Калашников С. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1. А что это за время?	6
Глава 2. Несколько летних дней	11
Глава 3. Что-то вроде началось	16
Глава 4. Тяготы и лишения	20
Глава 5. Устаканилось	25
Глава 6. Лондон	29
Глава 7. Ко всему привыкаешь	33
Глава 8. Технологии механообработки и ватага сорванцов	37
Глава 9. Каникулы. Начало	42
Глава 10. Коррективы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Александрович Калашников

Все реки петляют. От Альбиона до Ямайки

© Сергей Калашников, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1. А что это за время?

Созерцая стену, оказавшуюся перед глазами, я испытывал постепенно нарастающее удивление – никогда ничего подобного не видел. То есть особенных странностей не наблюдается – старомодные шкаф и комод подобного вида я встречал в каких-то музеях. Беленая стена, около которой они располагались, была совершенно обычной, не считая того, что вверху закруглялась, переходя в свод потолка. Окно тоже оказалось полукруглым вверху, как и расположенный напротив него дверной проем. Хотя дверь показалась чересчур массивной, а стекла в частом оконном переплете маленькими. То есть антураж старины в наличии. Однако не в музее же я проснулся!

Тело же мое, лежащее на кровати, не отзывалось привычными сигналами о старческих недомоганиях – оно вообще не чувствовалось. Тем не менее выполнило вполне разумные движения – село, перейдя из горизонтального положения в приближенное к вертикальному, опустило ноги и выпрямило торс. Ноги до пола не достали. Они выглядывали из-под подола длинной ночной рубашки совсем немного. Буквально кончиками ступней.

«И что тут странного? – прозвучало в сознании. – Моя комната такая же, как всегда», – это был не голос, а мысль. Мысль не моя, но очень уверенная. Пришлось смириться с этим элементом новизны в мироощущении и постараться прекратить думать... не получилось. То есть я как бы затаился, понимая, что нужно собрать чуть больше информации, но мое тело никак на это не откликнулось – оно действовало, не имея меня даже в виду. Встало, прошлепало босыми ногами в изножье кровати, где в треножнике располагался пустой таз, а рядом на полу стоял кувшин.

Тяжелый и гладкий, он так и норовил выскользнуть из рук, когда тельце, из которого я наблюдал за происходящим, наливало воду в тазик... кажется, жестяной, как и сам кувшин. Потом было умывание водой, температура которой не ощущалась. Затем подход к комоду. Здесь имелось зеркало размером с лист писчей бумаги, смотрясь в которое, моя оболочка расчесала волосы. Черные, умеренной длины, приблизительно до середины лопаток.

Отражение показало мне маленькую девочку – соотношение размера головы с остальным телом указывало на то, что я попал в ребенка. Да и то, что над крышкой комода возвышались лишь самые верхние кромки плеч, подтверждало – рост у вместилища моего разума невелик.

Расчесавшись, ребенок добыл из шкафа платье, в которое и оделся, бросив ночнушку прямо на незаправленную кровать и, как был босиком, вышел в коридор, в двух противоположных концах которого имелись окна. Тот же сводчатый потолок, дощатый крашеный пол – признаки архаичности невольно заставляли обращать внимание на уровень развития технологий. Судорожно искал взглядом плафоны ламп, выключатели, розетки... ничего не заметил.

Я вообще пользовался только зрением – тактильные ощущения отсутствовали полностью. Хотя слух тоже работал – скрип открываемой двери, шлепки босых ступней и смутные отдаленные птичьи голоса до меня доносились.

Девочка спустилась вниз по лестнице – два марша с поворотом на площадке на девяносто градусов – и выскользнула из дома на низкое, в одну ступеньку, каменное крыльцо. Сошла на землю с вытоптанной травой. Обернулась к дому и принялась его разглядывать.

Исключительно добротная постройка из прекрасного красного кирпича, связанного светло-серым раствором. Скорее всего, известковым. Толстые стены со сводчатыми перекрытиями, выполненными из того же кирпича... перед внутренним взором раскрылась планировка дома, возникли виды на потолки и сформировалась словно выполненная из прозрачного пластика картина конструкции с примерным распределением нагрузок и напряжений.

«Как интересно! – прозвучала в сознании мысль моей юной носительницы. – Оказывается, наш дом построен очень умно! А ты кто?»

«Внутренний голос», – сформировал я ответ, немного подумав.

«Ты появился, когда я спала?» – поинтересовалась новая хозяйка моего сознания.

«Наверно. То есть не знаю. Как-то вдруг раз, и понял, что существую. Посмотри наверх. Хочу увидеть крышу».

Девочка подняла взор – двускатная черепичная кровля была достаточно покатой. В кирпичном невысоком фронтоне имелось слуховое окно. Крыльцо, кстати, было также крыто черепицей. На него вышла женщина в непритязательных блузе и юбке, поверх которой имелся передник:

– Софи! Молоко и булочка ждут тебя, пташка ты ранняя.

Носительница моего разума тут же вернулась в дом, пожелала доброго утра женщине, назвав ее по имени – Бетти. Проскочила вправо, оказавшись на кухне, где сделала несколько глотков из пузатой глиняной кружки, после чего вгрызлась в хрустящую теплую булку.

Ха! У меня появились новые ощущения – молоко оказалось парным, а выпечка теплой. И я это почувствовал. Как и бок кружки, который отчетливо осязал. Не отвлекая заправляющуюся малышку, я попытался боковым зрением оценить обстановку. Словно подыгрывая, девочка понемногу крутила головой, фокусируя взор на различных объектах. Горшки и котлы составляли основную массу предметов кухонной утвари. Хотя чугунная сковорода явно на что-то намекала – некая веха на пути развития технологий и материаловедения.

На основании увиденного я уже крепко подозревал, что попал далеко не в свое время, а куда-то раньше, в старину. И попытался оценить, насколько глубоко меня занесло. Хотя бы примерно, на глазок. Ведь нужно же было как-то ориентироваться.

«Тысяча шестьсот восьмидесятый год от Рождества Христова, – сочувственным тоном подумала для меня девочка. – А что интересного в сковородке?»

«Литье из чугуна кухонной утвари практиковалось не всегда. В принципе, наличие этого металла среди бытовых предметов свидетельствует о том, что существует доменное производство. Но я не уверен в том, когда это произошло. То есть никогда не знал в точности. И вообще, я тут новичок, поэтому мне все интересно».

В кухню между тем ввалилось еще трое ребятшек. Два мальчика постарше и девочка – ровесница моего тела. Они учтиво пожелали нам с Софи доброго утра и тоже принялись за молоко и булки. Мне же пришлось напряженно размышлять над тем, кто они, и кем кому приходится.

«Ник, Майкл и Мэри – дети Бетти, нашей служанки, – объяснила моя владелица. – Их рано будят и заставляют выполнять работу по дому. А со мной и сестрами занимается мама. Так что ты там про чугун думал?»

Девочка оказалась внимательная и настойчивая и при этом полностью меня контролировала в том смысле, что уверенно воспринимала мысли.

«Слушай! – непосредственно для нее подумал я. – Про металлы и всякое такое, связанное с ними, лучше расспросить специалиста, живущего в этом времени и мире. Говорю же, что я тут новичок. Мне и самому будет интересно».

«Специалиста? Кузнеца? – обрадовалась Софи. – Это я мигом», – допив молоко, девочка помчалась прочь из дома. Выбежала на дорогу, ведущую из распахнутых ворот, и почесала к ближайшей постройке расположенного неподалеку населенного пункта, составленного из невыразительных домиков.

* * *

– Чарли в город ушел, – сообщила моей носительнице нестарая еще женщина, ковыряющаяся на грядках с капустой. – Вечером вернется, так что до завтра подождите, юная мисс Корн.

То есть я в Англии, раз тут девочек именуют словом «мисс».

«Ну а где еще? – в ответ мне подумала Софи. – Конечно, в Англии».

Сам-то я на этом языке техническую литературу почитывал со словарем, но непринужденно на нем общаться не мог никогда. Однако сейчас понимаю и слова, и интонации, и даже отношение собеседника ко мне воспринимаю безупречно. То есть наши с этой крошкой сознания причудливо переплелись, слившись в нечто единое. Хотя память у каждого своя. И общение похоже на разговор.

Девчонка между тем с сочувствием посмотрела на мальчишек. Их тут трое таскало воду деревянными ведрами откуда-то из-за угла дома. Веребочку, продетую сквозь уши посуды, они поднимали палкой, за один конец которой держались двое младших, а за второй старший. Том, Питер и Гарри. Питер – крестник Софочкиного папеньки. Таким образом, из ближнего окружения моей хозяйки неведомыми оставались только ее кровные родственники. Хотя, наверное, тороплюсь, ведь и увиденные мною дети имеют отцов, о которых я даже понятия не имею.

Софи только хмыкнула – ничего от нее не утаишь. Сама она в это время спешила домой. Переодеться в правильное платье, заплестись у Бетти и выйти к завтраку – таковы были ее намерения. То есть и до меня кое-что из ее мыслей доносилось. Как-то я начал помаленьку осваиваться в мозгах у этой маленькой англичанки.

* * *

Бетти сноровисто заплела короткие косички нам с Софочкой и своей дочурке Мэри, после чего эта самая Мэри поднялась вместе с нами на второй этаж и помогла моей хозяйке переодеться из простенького утреннего платья-мешка в нарядное платье с кружевами и пояском. Налезало оно туговато – похоже, мы довольно быстро растем. Кстати, в мою косичку вплетена лента, а у Мэри ту же самую конструкцию удерживает простой шнурок. И одета эта моя подружка куда проще. Не могу назвать ткань, но выглядит она затрапезно. И цвет блеклый. А мое, кажется, шелковое. То есть немного скользкое. И, да! У Мэри есть передник. Такая, на мой взгляд, отличительная примета прислуги, потому что у меня его нет и в предыдущем простолоудинском варианте наряда не было, следовательно, я отношусь к числу хозяев.

Потом был завтрак на первом этаже в столовой. Подавала на стол опять Бетти, а Мэри ей помогала обслуживать строгих и нарядных нас с Софи и матушку с сестрами. Про то, что отец семейства нынче не дома, а в плавании, мне доложили, едва этот вопрос возник, – ход моих мыслей мониторился непрерывно, и стремления скрытничать со своим внутренним голосом Софи не проявляла.

За завтраком последовал урок испанского, на котором мы вполне уверенно объяснялись с маменькой, кое-как со средней сестрой Консуэллой (ей года четыре) и почти никак с младшей Кэти, которая и по-английски-то еле кумекала. Где-то года два крохе. Софи же уже шесть, и она даже умеет писать. Коряво и с кляксами.

«Ты можешь позволить мне управлять рукой?» – спросил я неуверенно, когда увидел исполненные девочкой каракули.

«Надо попробовать, – мысленно пожала плечами та. – Давай, пиши!»

Гусиное перо – штука не вполне привычная, но контроль взрослого человека свое взял – я сумел вывести нужное слово четким чертежным шрифтом. К слову, этот самый контроль у меня немедленно отобрали и принялись пытаться повторить достигнутое, что удалось лишь отчасти спустя семь клякс и две попытки опрокинуть чернильницу, вовремя пресеченную чуткой мамой.

После урока испанского было рисование. Все три девочки пытались изобразить дом. Я снова попросил позволить мне порулить рукой, отчего мы с Софочкой довольно похоже, хотя

и легкими штрихами, набросали гексагональную проекцию нашего жилища – не напрасно так внимательно его с утра рассмотрели. Вообще-то идеала не получилось – меня то и дело останавливали, перехватывая контроль, но в целом изображение вышло объемным и даже смахивало на прототип.

На этом обязательная программа дня для Софи была завершена. Она снова переделалась в «утреннее» платье мешковатого типа, выбежала из дома и направилась к сараю, где мальчишки – Ник и Майкл – выгружали из телеги дрова, укладывая их в поленницу. Девочка сразу принялась ими руководить, указывая, что брать и куда складывать, но быстро перешла от слов к делу, начав поправлять поленья руками, а там и сама стала носить дрова вместе с пацанами. Я же для себя отметил, что телега стоит без лошади между лежащими на земле оглоблями.

Когда дрова закончились, началась стрельба из лука в стену сарая. Собственно, луков имелось сразу три – по штуке на каждого стрелка. Стрелы использовались неоперенные и не снабженные наконечниками – просто прутики, причем не особенно-то прямые. То есть сплошные самоделки, изготовленные самими детьми.

Вскоре Бетти позвала сыновей и усадила их на кухне перебирать крупу, что мою Софочку не вдохновило – она вместе с Мэри принялась за чистку столовых приборов, удаляя с полированного серебра оставшиеся после мытья разводы. Просто оттирая мягкой кожаной тряпочкой. Замшей, что ли? Потом опять с Мэри сбегала в селение к той же супруге кузнеца за морковью – девочке было натурально скучно, отчего она буквально лезла во все, что происходило в доме и его окрестностях. Смотрела, как точат ножи, пыталась гладить скатерть железным утюгом с деревянной ручкой, который нагревался в очаге.

К обеду и ужину она передевалась и выходила в образе юной леди, но потом снова возвращалась к общению со сверстниками – детьми прислуги, разрушив отчуждение сменой одежды на простую и немаркую. Хотя частенько делалась требовательной, переходя на хозяйский тон.

После ужина улеглась в кровать, где и отрубилась, едва коснувшись подушки головой. Ну а я получил возможность поразмышлять в одиночестве с закрытыми по воле хозяйки тела глазами.

Семнадцатый век подходит к завершению. Что я о нем знаю? В Англии этого периода были Шекспир, Кромвель и Реставрация, в России подрастает Петр Первый, а на морях процветает пиратство. Голландия нынче – сильная морская держава, как и Испания, но обе они в этом качестве уступают Англии. То есть процесс становления владычицы морей сейчас в самом разгаре. Впрочем, точных дат не помню. Могу путать события начала века, середины и конца. Знаю наверняка, что в военном деле уже царит порох, а в морском паруса. По дорогам ездят на лошадях, а для силового привода используют ветряки или водяные колеса.

Таким образом, обстановка для меня не вполне прозрачная, требующая изучения и, полагаю, вживания. Что не связано с чересчур большими трудностями – я попал в ребенка состоятельных родителей, имеющих некоторый общественный вес. Сам же ребенок непоседлив и особо вредным характером не наделен. То есть не чересчур избалован, хотя и не приучен убирать свои вещи в шкаф или заправлять кровать.

На этой мысли меня прервала Мэри, принеся к умывальнику кувшин с водой. Света, проникающего через окно, пока было достаточно – лето на дворе. Дни длинные.

Потом заглянула маменька, подоткнула одеяло. Вообще-то ни юной служанки, ни родительницы я разглядеть не мог из-за закрытых глаз – догадывался по шагам. И еще мама вздохнула иначе, чем подружка, но вздохнули они обе.

О чем сожалела маленькая служанка – понятно. Тоже устала и нуждается в отдыхе, а ее гоняют с делами. Насчет же маменькиных печалей следовало подумать... ну... сыновей у них с мужем нет, то есть и этот дом, и землю унаследует какой-нибудь мужчина – родственник отца. Следовательно, дочерей необходимо выдать замуж, для чего нужно собрать им приданое.

Судя по всему, что я заметил, особой роскоши в быту не наблюдается. Видимо, доходы от землевладения не слишком велики. Отец даже работает, а не живет помещиком. Кстати, труд моряка и в мои времена был сопряжен с риском, а уж в нынешние и подавно.

На этом выводе я и уснул.

Глава 2. Несколько летних дней

Присматриваясь к носительнице моего сознания, я раз за разом убеждался – девочке скучно. Она была предоставлена сама себе большую часть дня, поскольку мать плотно занималась с младшими, обучая их тому, что старшая уже знала. Пара часов, посвящаемых вышиванию или музыке, кройке и шитью, не предоставляли Софи достаточной занятости. Отмечу, пожалуй, что музыка преподавалась маменькой с использованием гитары, причем для дочурки был припасен уменьшенный вариант этого инструмента. Таким образом у меня крепло понимание об испанских корнях миссис Корн.

– Мам! Ты испанка? – незамедлительно внесла ясность неугомонная хозяйка тела, в котором я квартировал.

– Родилась на Ямайке, в испанской семье. Не раз бывала в Мадриде, Кордове, Севилье, Марселе и Неаполе. Но ни тосканского языка сколь-нибудь прилично не освоила, ни французского, – маменька ответила сразу полно и по-серьезному.

– Зато у меня французское имя, а у Консуэллки – итальянское, – не замедлила внести окончательную ясность Софи. Она мгновенно озвучила то, что только начало приходить ко мне на ум.

Еще у нас была морока с чистописанием. Я не сразу понял, что Софи – левша. И еще не понял, скрывает она это, или мать ее нарочно старается переучить на правшу. Сама девочка по этому поводу ничего не выразила, ну а я уговорил ее взять перо в левую руку. Не сразу это принесло нужный результат, потому что писать нужно слева направо, как бы наталкивая перо на выводимую букву, но, если лист бумаги сильно наклонить, то движение кисти получается или «к себе», или «от себя», что удобнее, чем совсем «против шерсти».

Так вот, при наклонах листа в разные стороны почерки у маленькой англичанки оказались разные, хотя оба вполне разборчивые и почти без клякс. Третий наш почерк получался правой рукой, когда ею водил я.

– Молодчина! – похвалила мама, взглянув на плоды дочуркиных трудов. – Наконец-то моей непоседе хватило усидчивости. И да, левой рукой тебе значительно удобней.

Что же касается развлечений, то кузнец Чарли знал о чугуне немного: хрупкий, не куется, сам он из него ничего отлить не пытался и чинить чугунные вещи не пробовал. Так что не слишком удачным был наш визит к местному металлургу. Зато в мастерской нашелся обломок проволоки, из которой умелыми руками взрослого мужчины был согнут и заточен рыболовный крючок – этот день мы провели за изготовлением удочки, для которой плели из ниток леску, делали свинцовое грузило из расплющенной молотком картечины, обстругивали удилище и придумывали, как приладить поплавков из стержня птичьего пера. Ближайшая речушка-то от дома буквально в одном фарлонге, что на мою оценку составляет метров двести. И вообще этот ручей я бы назвал переплюйкой, потому что узкий он и неказистый.

На рыбалку пошли только на другой день, прихватив горшочек с накопанными еще с вечера червями. Пойманных рыбок зажарила Бетти и подала к господскому завтраку. Я в английской ихтиологии не разбираюсь, так что уклейка это была или плотва, уверенно не доложу. Но получилось вкусно. Дети прислуги с этой оценкой согласились, потому что и на их долю перепало – клев этим утром оказался хороший.

Отличным развлечением стала поездка в город за отрезом мне на новое платье. Выяснилось, что в сарае хранится карета с кожаным верхом, в которую впрягли лошадку. Ту самую, на которой недавно привезли дрова. Правил муж Бетти, который тоже был в доме работником, но нам с Софи встречаться с ним удавалось нечасто.

Дорога заняла где-то пару часов, притом, что ехали мы не торопясь. На мою оценку расстояние тут от пятнадцати до двадцати километров. Сам город, кстати, именовался Ипсвич.

Никогда раньше о таком не слыхивал. Наверное, из тех, которые никогда ни в чем предосудительном замешаны не были.

«То есть ты полагаешь, что я за день смогу обернуться пешком туда и обратно», – констатировала Софи, выловив и «заднюю» мысль. Оставалось только согласиться.

У галантерейщика внимание маменьки привлекли как шелк, так и тонкое сукно. А еще ленты, и тесьма, и цветные нитки. Одним словом, женщина несколько увлеклась, выпустив дочурку из виду, а та «зависла» у ювелира, лавочка которого находилась рядом. Я, признаться, приготовился заскучать и отрубиться, однако встряхнулся при упоминании горного хрусталя, из которого что-то там блестящее сделано и в серебро оправлено. Загвоздка в том, что в эту эпоху порох в ружьях и пистолетах воспламеняют искрой, высекаемой из кремня, что будет продолжаться еще около полутора столетий. Хотя с этим наверняка справится искра немудреной пьезозажигалки. А пьезоэлектрический эффект открыли как раз на кристаллах кварца, природная форма которого и есть этот самый горный хрусталь. Таким образом, где-то в глубине моего сознания затеплилась искорка надежды забавить нечто интересенькое. Правда, тут же и потускнела. В английской патриархальной глубинке руками шестилетней девочки не так-то много наимпровизируешь.

«А ты попробуй, – мысленно топнула ножкой Софочка. – А то ужасно скучно у нас в доме. Хорошо хоть ты появился со своими непонятными размышлениями».

«Ладно», – тоже мысленно вздохнул я. Мы попросили у скучающего ювелира лист бумаги, на котором я набросал эскиз двух лепестков сусального золота, через крошечные колечки подвешенных к тонкому медному стерженьку. И еще мы приценились к не самому маленькому кусочку собственно кварца, показавшегося мне отдаленно знакомым из-за своей шестигранности и некоторой вытянутости. Мастер показал нам его в числе других своих заготовок. Тут за нашими спинами появилась маменька и резко обломала хитрого ювелира, заставив сбросить цену примерно вдвое, но кусочек горного хрусталя и сделанный заказ на рабочий орган будущего электрометра оплатила. Она нашу Софьюшку любит и балует, хотя не очень-то старается это показывать.

По моей просьбе мы заглянули в лавку с разными железьяками. Гвозди здесь продавались четырехгранные, сбегаящие к окончанию на конус и увенчанные несимметричной шляпкой – к гадалке не ходи – кованые вручную. И размера немалого. С железнодорожный костыль даже встречались. Много веревок и канатов всех толщин и любой длины. Тяжелая грубая ткань в рулонах – парусина.

– Это что, портовый город? – спросил я мысленно, а Софийка вслух.

– Здесь на Гиппинге есть пристань, к которой иногда поднимаются суда из моря. А в доке мастера строят лодки и буера, а когда случится заказ, то для открытого моря суда, – ответил продавец.

Мы купили у него небольшой слиток олова и остаток железной полосы весом фунта четыре. А еще шерхебель – это такой узкий рубанок. И стамеску средней ширины, убедившись, что она уверенно входит в шерхебель вместо штатной железки и надежно крепится там тем же самым клином.

Продавец почесывал затылок, а мама держала невозмутимое лицо и невыносимо потакала капризам дочурки, щедро оплачивая ее желания. Насколько я понял, затраты подобного масштаба для семейного бюджета напряжения не создают, зато заметно радуют маму, позволяя угодить любимому чаду.

* * *

Несколько дней маменька и Бетти были заняты шитьем нового платья для Софочки. Также в работах принимали участие моя носительница и ее то ли подружка, то ли служанка

Мэри. А что вы хотите, если швейные машинки пока не изобретены и каждый стежок делается руками?! Впрочем, младшие удостоились чести участвовать в процессе только на обработке кромок, с чем уверенно справились. Стряпал в эти дни Джон. Тот самый, что и конюх, и садовник, и дрова привозит. Пища стала проще, но в питательности не потеряла. Хотя ритуалы завтрака, обеда и ужина ничуть не изменились – благородные хозяева трескали, а прислуга им прислуживала. Все-таки аристократичность – жуткая штука. Вместе работаем и даже спорим, а как дело доходит до классовых различий, так сразу начинается театральное представление. Мы жрем с фарфора на скатерти, пользуясь серебряными инструментами, а они трескают на деревянной столешнице из глиняных мисок простыми ложками. Одну и ту же пищу.

Платье получилось замечательное, а наше с Софочкой предыдущее мы собственноручно выстирали, высушили, проверили на предмет отсутствия повреждений и подарили Мэри – она телом менее крупная, так что ей впору пришлось. А еще из остатков ткани от нового своего наряда мы ей выкроили ленту для косы, так что теперь отличаемся тем, что в период приема пищи она носит передник, а Софи – нет. В остальное же время обе мы расхаживаем в затрапезе. Хозяюшка моя научилась выгребать золу из очага и приступила к освоению мытья полов. Какое счастье, что в этом доме они крашенные! Это я ей намекнул, что для практической жизни слуги куда лучше нас приспособлены, потому что намного больше умеют.

* * *

Верстак в сарае имелся, поэтому ничто не мешало нам приступить к выстругиванию двух реек сечением примерно дюйм на дюйм и длиной по паре футов. Пока работали родным полукруглым лезвием шерхебеля, силенок еще хватало, а вот когда заменили железку стамеской, да более-менее довели сторону до плоского состояния, тут и увязли. Помог старший брат Мэри – он на пару лет старше и заметно сильнее. Пришлось ему пообещать, что Софи возьмет его с собой на рыбалку, научит всему, а потом подарит удочку.

Да не жалко. Проволоку мы вообще в магазине видели, так что новый крючок для себя всегда согнем, потому что до того города нам и пешком обернуться не в тягость. Подумаешь, двадцать-тридцать километров! В общем, две замечательные рейки готовы, и мы идем копать червей, потому что утром обещали научить мальчугана удить рыбу. Интересно, он действительно не умеет, или хитрит с непонятной целью?

* * *

В принципе, забрасывать в воду крючок с наживкой Ник умел, но не владел искусством мягкой подсечки, поэтому утро прошло для него плодотворно. Я даже не встревал в Софочкины объяснения – ребята отлично поняли друг друга. К тому же крючок на удочке мальчугана был великоват и привязан не тем узлом – тут лучше всего подходит двойная восьмерка вместо простой удавки. Короче, после того как наша удочка сменила хозяина, то есть произошел окончательный расчет, а улов поступил на кухню, мы отправились к все тому же ближнему кузнецу с редкой фамилией Смит завершать изготовление щипцов для сдавливания пьезоэлемента.

Диэлектрические деревянные рукоятки следовало снабдить металлическими, то есть проводящими ток губками, на которые и должна была податься возникшая при сдавливании кристалла разность потенциалов. А вот и облом – нет кузнеца дома. Он понес заказ какому-то Генри, от которого раньше полудня не вернется.

На этом месте отмечу вот какую особенность – благородные вроде Софочкиных мамы и сестер запросто дрыхнут до времени, когда солнце начинает припекать, а остальной народ поднимается значительно раньше и начинает копошиться еще по холодку. Поэтому мою хозяйку легко принимают люди простые. У нее привычки трудящейся, а не аристократки. Короче, стар-

ший из сыновей кузнеца, Том, заявил, что справится с делом, потому что видел, как это все происходит, когда качал меха. Но сегодня мехами займется Питер, а он откует для меня все, что нужно.

Не знаю, где в это время была их мать, но раздувать горн мальчикам никто не мешал. Тот обрубок железной полосы, что я принесла, нагрели весь и даже отсекли от него зубилом два куска подходящего размера. А вот отковать, собственно, две продолговатые пластинки не смогли – точности ударов явно не хватало, хотя с их силой получался перебор. Так что попросил я у Софочки контроль над правой, а за собой она сохранила управление левой, в которой удерживала шипцы.

Только дело пошло на лад, откуда ни возьмись появилась мать семейства, разогнала сыновей, а нас с Софочкой утащила в дом, вытряхнула из платья и принялась его стирать. Пришлось сидеть, закутавшись в одеяло и пропускать завтрак со свежевывловленной рыбой. А там и Чарли-кузнец вернулся. Он-то и сделал все, что нужно, заодно и корпус электроскопа из олова отлил – это просто широкое кольцо с единственным сквозным отверстием на ободке для пробки, сквозь которую будет пропущен штырь с лепестками золотой фольги.

Домой мы вернулись к обеду – он тут довольно поздно. Хотя традиции пить чай с плюшками в пять вечера я пока не заметил. Мама нас не потеряла, потому что кузнецова жена послала сюда своего младшенького – Гарри, который все и донес. А Сонька прожгла подол спереди и теперь носит передник, чтобы не было видно дырок.

Испытать новинку нам не удалось, потому что мы не позаботились о проводочках для подачи разницы потенциалов на электрометр. И еще о стеклах для того, чтобы закрыть обе стороны корпусного кольца. На мой разум, должно заработать и без них, но лучше сделать по классике.

* * *

– Ни в какой город я тебя пешком не отпущу, – заявила мама. – Ишь, выдумала тут героизмом заниматься и преодоления устраивать! Джон тебя отвезет, он же и присмотрит, и расплатится.

Так, в город мы съездили в карете, управляемой взрослым кучером, медную проволоку отыскать удалось в той же лавке с канатами, хотя самая тонкая оказалась диаметром примерно шесть десятых миллиметра – четверть линии примерно, если я не путаю английские меры длины. А стекольщик без труда застеклил, собственно, обе стороны кольца электрометра, приклеив прозрачные стенки на обыкновенную смолу, которая для днищ и бортов лодок и кораблей.

Еще наш кучер по просьбе маленькой мисс Корн купил маленький бочонок пороха, но не отдал. Объяснил, что доложит хозяйке, и уж если та разрешит...

* * *

В принципе, затея наша удалась. То есть при нажатии на верхнюю рукоять шипцов лепестки электрометра расходились в разные стороны тем шибче, чем сильнее надавливали на рычаг. Как я и ожидал, при сдавливании кристаллика в разных направлениях эффект получался неодинаковым – помню, что там имеется зависимость от направленности кристаллической решетки, которая симметрична относительно какой-то оси. Так у нашего оформленного брусом образца направлений сжатия имелось ровно три с боков, в одном из которых мы просто не поняли, шевелятся лепестки или это только кажется. А в двух других эффект был явным, причем в одном заметно сильнее. Ну а потом мы наблюдали искорку между концами проводов,

если их достаточно сблизить, да еще и заострить. Не стоит забывать, что проводники у нас далеко не гибкие – гнуть их приходится щипчиками.

Пороху для проверки возможности его воспламенения электрической искрой мама не дала. Саму-то искорку мы ей показали, вот после этого она и отказала в выдаче пороха. Но Софи добыла немного из рога, который висит на ковре рядом с ружьем и кинжалом. Нам и требовалось только полнаперстка. От искры уверенно полыхнуло. В принципе, пьезозапал мы изобрели. Но рассказывать об этом нельзя, потому что от мамы влетит.

Глава 3. Что-то вроде началось

После опробования пьезоэлектрического поджигания пороха я крепко призадумался – можно ведь ненароком такого напридумывать, что оружие станет совершенней, отчего в эпоху непрерывно ведущихся войн прольются реки крови, существенно более полноводные, чем в уже случившейся истории. Умница Софи на это не возразила. Странно она себя чувствовала – мелкая любопытница. Тут и руки чешутся, и хочется узнать, отчего это такой результат с искоркой, но вот рассуждения мои о природе показанного явления до шестилетней девочки не доходят – сказывается отсутствие систематического технического образования. Понятия про диполи или поляризацию ребенку просто некуда воткнуть в неразвитый пока детский мозг. Да и сам я об этом не все знаю – сохранилось в памяти кое-что с института, да и привычка к кварцевым резонаторам и разного рода датчикам на основе пьезокерамики осталась.

Однако, что со всем этим делать, ума не приложу. А тут у нас радость великая – к пристани, той самой, что в ближнем городке Ипсвич, причалил кораблик, на котором плавает отец семейства. Пока посудина разгружается, сам папенька прикатил домой с подарками и полным любви взглядом, направленным на маменьку.

Про подарки будет отдельная песня, также не стану акцентировать внимания на намерении родителей обзавестись наследником мужеска пола, а вот про их озабоченность поведением старшей дочери разговор мы подслушали – дом Соня знает очень хорошо, а свернуть раструб из листа плотной бумаги посоветовал я. Как раз острым концом к нам в ухо, а широким – к драпировочной ткани супружеской спальни. Ею завешена неиспользуемая дверь в соседнее помещение, где мы обычно занимаемся музыкой. Ну а поскольку ухо у нас общее, то и я все прекрасно слышал.

– Джонатан! Софи за последние недели стала очень быстро умнеть. Она и раньше была сообразительной, но тут просто что-то невероятное. Даже шалости у нее сделались целеустремленными. К тому же ей по-прежнему невыносимо скучно. Может быть, ты возьмешь ее с собой? Ненадолго, только до Лондона.

– Ребенку нужна строгая гувернантка, Агата. Лучше умеющая фехтовать, – хмыкнул отец. – Чтобы загоняла ее до упаду, а потом научила умножению и делению. Рассказала о звездах, заставила писать без клякс. Ну и, там, хоть немного из Библии, чтобы уж совсем не невеждой была, когда в церковь пойдет.

– Ты совсем не знаешь ее, настолько она изменилась, – вздохнула мама. – Ей сейчас больше пристала роль преподавателя, а не ученицы. Удивительно, как много она успела узнать буквально за считанные дни. Проверь ее познания. Уверена, ты удивишься. И свозишь ребенка в Лондон.

– А потом привезу обратно? Не получится – меня там уже ждет фрахт. Пара-тройка дней уйдет на погрузку и оформление документов – и в путь. Куда я дену девочку? Хотя можно оставить ее погостить у сестрицы на месяц. Наверно, это будет хорошим вариантом. Новые люди, свежие впечатления, смена обстановки. Ну и сам я с Софи заново познакомлюсь, – папенька моей владелицы кажется человеком рассудительным и доброжелательным. – Однако дочке потребуется служанка и в пути, и потом в гостях. Ты же знаешь, насколько требовательна семья сестрицы к соблюдению правил.

– Я бы не хотела отпускать Бетти. Может быть, послать Мэри?

– Девчонку заставить прислуживать девчонке! Да еще и в дороге! – поразился папа.

– Она неплохо вышколена и отлично знает свое место, – ответила мама.

Несмотря на то, что нам ничего не видно, исключительно сильно ощущение, будто маменька пожала плечами.

– Ладно, ладно, – поспешил проявить покладистость отец. – Будет забавно наблюдать, как две подружки не разлей вода станут разыгрывать госпожу и подчиненную.

– Да уж, – фыркнула мама. – Последнее их достижение – мытье пола. Знаешь, почти не оставили разводов.

Дальше Софочка подслушивать не стала – пошла спать. Она ведь пока совсем ребенок и к вечеру здорово утомляется.

* * *

О подарках не рассказал. Старшей дочери отец привез ком каучука. Слегка упругий, немного липкий, вязкий и неохотно позволяющий себя резать, потому что нож прилипал к неподатливой массе. Для себя я знаю, что на морозе эта субстанция твердеет, а от тепла размягчается. То есть, в принципе, ее и расплавить можно, только нужно следить, чтобы не загорелась, потому что вещество органическое и против огня нестойкое. А еще подарил несколько самородков серебришка. То есть как бы серебра, но несколько более твердого и не желающего расплавляться даже при сильном нагревании. Это платина, которая пока не в цене, но уже очень скоро станет весьма нужным металлом. Не очень удобным для ювелиров, но полезным для химиков следующих веков.

Характер этих гостинцев дает понять, что прибыл отец откуда-то из Южной или Центральной Америки и знает – удивить старшую дочь непросто. Ведь не перья попугайские привез, не цветастые шали – не так уж сильно он не знает свою старшенькую.

– Просто прекрасные серебришки! – с моей подсказки одобрила подарок Софи. – Если снова такие встретишь, буду рада получить еще. А можно я по ним молотком постучу? Интересно ведь, можно ли эти комки расплющить!

Мне-то известно, что платина куется хоть горячей, хоть холодной, что из нее штамповали монеты, но при этом она не только тугоплавка, но еще и очень устойчива к коррозии и химическим воздействиям. Правда, в самородном виде обычно встречается в виде сплава с другими металлами, присутствие которых эти самые пластичность и ковкость ухудшают. Так что для некоторых технических устройств, о которых мои теперешние современники даже не подозревают, – исключительно удобный материал. Да хоть бы и для свечи каления, которым я пока не вижу альтернативы в двигателях внутреннего сгорания.

Почему, уловив эти мысли, Софочка не засыпала меня вопросами? Да она о большинстве терминов даже понятия не имеет. Вот и не парится, рассчитывая узнать все постепенно в более удобоваримой форме. Удачно все-таки я попал. Умница-мама, умница дочка и очень умный папа. Только вот что-то они насчет церкви темнят... если воспитанная в испанских традициях маменька католичка, то отец или к англиканской церкви принадлежит, или к пуританам, если я ничего не путаю. И как они с этим разбираются? Ведь святые отцы всегда боролись друг с другом за паству, неодобрительно отзываясь о конкурирующих вариантах отправления религиозных обрядов. Хотя я тут недавно и пока еще далеко не во всех ситуациях побывал. Церкви мы не посещали, и ни один падре ни разу на глаза не попадался. Правда, в городе какой-то храм маячил в конце улицы.

Мои растекшиеся по древу мысли встряхнула маленькая хозяйка:

– Пока я буду спать, подумай, что взять с собой в Лондон из платьев и как одеться, чтобы удобно путешествовать по морю на корабле. Ты же умный, а, внутренний голос! Дурного не посоветуешь. И как мы будем жить у тети Аннабель? Я же ее полжизни не видела!

Полжизни – это три года. Что? Софи знает арифметическое действие деления?

* * *

Собираясь в дорогу Софи и Мэри начали на следующий день с самого утра. И чем же они занялись? Ни за что не угадаете. Шитьем. Все-таки в девочках очень сильно стремление правильно выглядеть в любых ситуациях. Дело в том, что они полагали необходимым непременно вскарабкаться на мачту, что при ношении юбок или платьев может поставить их в неудобное положение, открыв обзор на их... ну... разные места снизу. То есть требовались штаны. Естественно, я подсказал идею самых простых, которые в восьмидесятых называли «бананами», а в исторической литературе и на фотодокументах пятидесятых годов упоминали в качестве шаровар, удобных для занятий туризмом.

В процесс дискуссии о методах раскроя вмешалась матушка Мэри и в два счета склонила нас в пользу тех простецких штанов, которые носят и ее супруг, и сыновья. Она же снабдила нас рубашками и куртками, из которых эти самые сыновья выросли. Кстати, верхнюю часть гардероба мужчин, живших в эти времена, в литературе обычно упоминали как камзол. Так вот, ни накладных карманов, ни отворотов рукавов, ни блестящих пуговиц на наших куртках не имелось – все простенько и демократично. То есть никакие это не камзолы, а просто тужурки. На ноги были предложены башмаки с каблуками, заметно поношенные, но не дырявые – стали малы старшим братьям.

На старые штаны Ника и Майкла пришлось аккуратнейшим образом накладывать заплаты, с чем обе девочки справились вполне прилично. Ну а все остальные мелочи вроде капоров, плащей, ночных рубашек, шарфов, перчаток, носовых платков... да кто же все это запомнит?.. уложили в дорожный сундук мама Агата и мама Бетти.

* * *

На этот раз Джон правил каретой, время от времени понукая лошадку, отчего до города мы добрались заметно быстрее. Сразу подкатили к причалу, где стоял папин корабль. Вроде бы барк¹, если мне не изменяет память. Не то чтобы я в этом шибко разбираюсь, но некоторое представление имею, потому что еще мальчишкой разглядывал картинки с изображениями парусников. Правда, запомнил мало что.

Вот прямо сейчас никаких парусов не было, к трапу подкатывали повозки, с которых снимали тюки и опускали в трюм. Папа поцеловал маму в щечку, обнял Консуэллку и погладил по голове Кэти, после чего взял за руки нас с Мэри и взошел на борт. Провел нас в сторону кормы и велел спускаться в открытый люк. Лестница здесь была крутая – градусов тридцать от вертикали, поэтому слезали мы спинами вперед, держась руками за поручни.

– Это пространство называется «опердек», – объяснил папа, почти мгновенно оказавшись рядом с нами. Казалось, что стек вниз, словно вода. Мы невольно осмотрелись. Впереди через раскрытый люк сюда поступали тюки, которые складывали в штабель между мачтами, проходящими через это помещение сверху вниз. Собственно, прямо тут же и закончили, начав закреплять груз канатами. Вслед за этим сверху на тех же веревках спустили наш дорожный сундук, который два матроса занесли за дверь в переборке, отделявшей кормовую часть от всего остального.

Всего таких дверей имелось три. Маленького размера с высоким порогом-комингсом и крепким запором, открываемым поворотом блестящей медью рукоятью.

¹ Внутренний голос ошибается, до барков еще как минимум полтора века, и вообще парусное вооружение пока что отличается редкостным разнообразием и отсутствием четкой классификации. А так это флейт, правда, весьма передовой.

– Ваша каюта, леди, – отец распахнул перед нами дверь в узкую каморку с двухэтажными нарами, под нижними из которых как раз и уместился наш сундук. К стене был приделан светильник с сальной свечой, не зажженной, но пахнущей горелым жиром. Иллюминаторов здесь не было и в помине. Но тюфяки мягкие, похрустывающие свежей соломой. Больше и рассказать-то нечего.

Разумеется, ни для чего, кроме ночлега, эта конурка решительно непригодна. Поэтому мы с Мэри решительно распаковали сундук и принялись приводить себя в вид, пригодный для внимательного осмотра корабля. Штаны, рубашки, тужурки, башмаки – и косы наши под шляпы убрать, чтобы не зацепиться ненароком за какую-нибудь неожиданность. Переоделись мы быстро и поторопились вернуться на палубу, но не тут-то было – люк, через который мы сюда спустились, оказался закрыт, как и тот проем, через который грузили тюки. Темнотища кругом и лишь далеко впереди проблеск света. Поскольку наши глаза привыкли к потемкам еще в каюте, то дорогу мы отыскивали – прошли вдоль борта, пересчитывая руками шпангоуты. Здесь, пробравшись между подвешенными на манер гамаков койками, отыскали и открытый люк, ведущий на верхнюю палубу. Он располагался в сильно зауженном месте. По такой же, как и около кормы, крутой лестнице поднялись наверх – тут все были очень заняты. Кто-то отдавал концы, кто-то принимал, травили какой-то брас, подбирали булинь и куда-то направляли шкентель. Корпус корабля отодвигался от причала и потихоньку разворачивался. Незнакомый дядька послал нас на ют, после чего другой дядька, вращая ворот, поднял блинд на самом носу, а трое других потянули его за нижний угол. Судно перестало поворачиваться и двинулось на выход из эстуария реки в сторону недалекого моря. Экипаж засуетился и шустро, словно тараканы, полез на нижние реи ставить главные паруса. Вроде бы их называют фоком и гротом, но тут я не уверен. А вскоре настала очередь и косога паруса. Его нижний брус – гик – как раз находился над нашими головами. Деятельность на палубе поутихла, кое-кто даже спустился вниз, под палубу и как-то незаметно мы вышли в открытое море. Потому что началась качка.

Глава 4. Тяготы и лишения

На нижней кормовой надстройке, которая, как мне известно, называется ютом², перед задней мачтой из палубы одна за другой торчали две крепкие тумбы. К задней был приделан штурвал, а на вершине передней располагался компас. Периметр этой площадки ограждался крепкими перилами поверх высокого и крепкого заборчика, именуемого, если я правильно помню, фальшбортом. Тем не менее ветерок на высоте ног гулял беспрепятственно, вызывая радость тем обстоятельством, что на нас с Мэри не юбки – вот бы их потрепало! И еще было огорчение – заборчик мешал смотреть вокруг. Когда из виду пропали вершины деревьев, показалось, будто мы посреди необъятного океана. Пришлось пройти вперед к лесенке, ведущей на палубу, отсюда стало видно больше – мы двигались вдоль берега, медленно удаляясь от него. Хорошо взрослым – они высокие.

Между тем берег постепенно отодвинулся за корму, отец уступил место у штурвала матросу и, назначив курс, стек по трапу и нырнул в люк, который легко открыл, а потом и закрыл. Не уверена, что мы даже вдвоем с Мэри справимся с этой крышкой – на вид ее толщина больше двух дюймов. Тут и мышцы рук надобны крепкие, и пресс требует некоторого развития. Хотя более всего необходимо подрасти и веса поднабрать.

Словом, связываться с люками следует только при крайней нужде, чтобы не надорваться. Зато никто не мешает нам вскарабкаться на мачту.

Сильные руки сняли наше с Софи тельце с нижних выбленок – веревочных ступенек вант – и вернули на наклонную плоскость палубы. Жалко! Чтобы до них добраться, нам пришлось, помогая друг другу, карабкаться на этот самый фальшборт.

Возрастной такой дядька укоризненно смотрел на рассерженную меня и отдирающую ладонь от тех же вант Мэри. Тут все оказалось просмолено, но подружка прилипла крепче.

– Без дела маетесь, – констатировал незнакомец. – А ну бегом драить палубу на квартердеке³ у штирборта⁴! – и указал на тот самый люк, куда минуту назад нырнул папа.

Конечно, девочки бы растерялись в столь непривычной для них ситуации, потому что этот люк находился ближе к носу, чем средняя мачта, то есть располагался на шкафуте⁵. Хотя и перед самым кормовым возвышением, который, собственно, ютом и считался. Или полуютом⁶, раз надстройки две, ступенькой? Провались она, эта недоступная мирному жителю морская терминология. Так что я подсказал Софочке, что в люк нас послали за инвентарем, а не палубу драить. Вдвоем с подружкой они справились с крышкой, нырнули вниз и выволокли на палубу деревянное ведро-ушат и палку, к концу которой был прикреплен пучок веревок – похожими швабрами в последние годы моей жизни в том мире полы в офисах мыли. Что касается фронта работ, так это как раз место, через которое при погрузке таскали тюки от трапа к проему трюма, сейчас надежно закрытому. Это почти точно посередине между задними мачтами, что оставляет надежду на то, что этот участок корабля считается именно квартердеком. Но где тогда шканцы⁷? Да неважно, здесь действительно натоптано, и рулевой за штурвалом продолжает размазывать грязь по доскам.

² Опять внутренний голос путается. Ютом называется палуба за бизань-мачтой, а они стоят перед ней и ниже.

³ *Квартердек* – палуба на кормовой надстройке парусника между грот- и бизань-мачтами. На ней сосредоточены все органы управления и навигационные приборы. Функциональный аналог современной рубки.

⁴ *Штирборт* – правый борт судна. Левый – бакборт.

⁵ *Шкафут* – верхняя палуба между фок- и грот-мачтами, середина парусника.

⁶ *Полуют* – кормовая надстройка парусника, сколько бы в ней этажей не было. То же самое, что и ахтеркастль, как его называют англичане.

⁷ Внутренний голос пока не знает, что квартердек и шканцы – синонимы. Разница в английской терминологии, которую он слышит, и русской, о которой читал.

Воды за бортом сколько угодно, но при том, что судно движется, нет никаких сомнений, что набегающий поток вырвет посудину из слабых детских рук – Софи с Мэри это прекрасно поняли и выглядят озадаченно. Вернее, я вижу только то, как выглядит Мэри, а чувства Соньки воспринимаю непосредственно. И, разумеется, готов помочь. Ведь действительно, не опускать же ведро за борт на веревке, которая всю кожу с ладоней сорвет.

Снова через люк возвращаюсь в межпалубное пространство, откуда подаю наверх конец брезентового шланга. Мэри тут же направляет его в ведро, а я снова спускаюсь по трапу и начинаю качать рычаг помпы, которая вделана здесь прямо в палубу около задней мачты. Тяжело-вато идет – шток, уходящий вниз, заметно сопротивляется.

– Есть, течет! – вопит с палубы Мэри. – Еще, еще, хватит.

Снова выбираюсь наверх. Дядька так никуда и не ушел – смотрит в ведро и недовольно морщится. Потом подносит ко рту дудку и высвистывает нечто определенное, после чего на шанцах возникают еще трое.

– Вода в льялах чересчур чистая, – рассудительно докладывает собравшейся его стараниями публике свистун. Юнги! Марш мыть гальюн! А я шкиперу доложу. Потом откачаем и замерим, сколько набралось, – закончил он уже как бы в пространство.

Впрочем, дяденьки его прекрасно поняли, потому что ничего не сказали, а посмотрели на то, как мы вдвоем на рукоятке швабры несем ведро со считающейся чересчур чистой водой в сторону носа.

Спустившись по отлично знакомому нам носовому трапу в кубрик, мы отметили, что три парусиновые койки сейчас заняты – в них отдыхают взрослые дяденьки. По обе стороны крутой лестницы отыскивали глухую стену без малейших признаков дверей – переборку. Пришлось возвращаться на палубу и обходить неожиданное препятствие поверху. Нашим взорам предстали классические туалеты типа сортира, лишённые любых признаков уединенности – ведущее в открытое море очко, обрамленное дощатым стульчаком. По одной штуке по каждую сторону носового окончания с головой льва, они словно висели в воздухе, хотя и были надежно закреплены на деревянных деталях, нагроможденных ниже бушприта. Причем оба этих «насеста» явно посещаются морем в особенно свежую погоду, потому что совсем никак от него не отгорожены – достаточно высокая волна надежно обеспечит принятие ванны. Однако, если выбрать «насест» подветренного борта, получится ограничиться лишь душем. Так что посещение гальюна – процесс творческий – выбор правильного очка – залог комфорта.

Кстати, здесь нашлась и «туалетная бумага» – вниз свисал канат с погруженным в воду концом. Гигиеническое состояние сооружения произвело благоприятное впечатление – ни следов фекалий, ни запаха мочи. Но на стульчаке бакборта нашлись налипшие очистки овощей, которые мы и отмыли шваброй. В завершение отмечу наличие громоздкого якоря, подвешенного неподалеку и идущего к нему каната.

В принципе, меня это не особенно удивило, а вот подружки явно забеспокоились – столь малый уровень комфорта при общении с окружающей средой их несколько смутил.

На верхней палубе людей прибавилось. Из поданного снизу шланга-кишки напористо лилась вода сразу в два ведра поочередно. Заполненное выливали за борт и вели счет откачанному.

– Точно. Увеличилась течь, – констатировал Хокинс. Я сильно удивился, что Софи с ним знакома.

– Судовой плотник, – мысленно пояснила моя хозяйка. – Он заезжал к нам прошлым летом.

– В Лондоне после разгрузки поднимем пайолы и осмотрим днище. Ну а откачивать трюм можно и в обычном ритме. Через день. Добрый день, мисс Корн.

– Зовите меня по имени, Хокинс, – любезнейшим образом откликнулась маленькая хозяйка. – Вы ведь помните, что мы об этом договаривались.

Присутствующий при этом папенька только хмыкнул, а тот строгий дядька, что послал нас мыть сортир, хохотнул.

– Все, больше не подхватывает, – доложил поднявшийся снизу матрос и затащил обратно под палубу брезентовую кишку, из которой уже перестала литься вода.

Мы с Мэри заглянули под палубу и увидели, что шланг свернут, а еще незнакомый мужчина мимо нас пронес котелок от носа и скрылся с ним за дверью в кормовой переборке, расположенной над входом в нашу каюту. Догадываюсь, что трап ведет наверх, в апартаменты капитана. Показалось, что пахнет съестным, потому что аппетит мы нагуляли отменный.

– Идем обедать, юнги, – подтвердил мою догадку второй из матросов, работавших здесь же. Мы вернули на прежнее место ведро и швабру и уже под палубой проследовали вперед в область подвесных коек, где получили по миске каши с кусочками мяса. Деревянные ложки нам вручил дяденька с передником, тот, что носил котелок в каюту с неизвестным... пассажиром, наверное. Кок, значит, этот дядечка.

– Не потеряйте, – мрачновато напутствовал он, – других не дам, – от него настолько отчетливо пахло дымом, словно его только что коптили горячим копчением.

Со своими порциями мы управились быстро, как и другие трое едоков. Ложки облизали и убрали за пазухи тужурок. Кок как раз по оловянным кружкам какое-то пойло разливал, так его один из взрослых поправил в том смысле, что этим шкертам – он кивнул на нас с Мэри – и половины хватит. Я свою хозяйшку успел одернуть, чтобы не возникала по поводу дискриминации по возрастному признаку, а подружка наша свою порцию лихо опрокинула и проглотила громким лошадиным глотком. Но никак этого не прокомментировала. А дети – народ простодушный. Что крестьяне, то и обезьяне. Софочка с таким же заглатыванием неведомого пойла отстала секунды на полторы-две. Потом эти засранки пучили друг на друга глаза и хватили ртами воздух. Если память меня не подводит, в кружках содержался ром отвратительного качества и омерзительной крепости.

– Им и половины чересчур, – констатировал кок. – Повесьте-ка пару коек и складывайте пацанов отсыпаться.

Матросы быстренько наладили пару парусиновых гамаков, на которые самым бесцеремонным образом закинули наши с Мэри теряющие осмысленность тушки.

– Накормили шкиперову дочку? – спросил появившийся со стороны люка Хокинс.

– Эм! – отозвался кок.

– Ы! – вступил в беседу один из матросов.

– От всей души, – «объяснил» третий. – Так налопались, что от сытости сразу в койки попадали, – второй хранил молчание, делая вид, что его тут не было.

Взором Сонечки я еще видел, как плотник обводит глазами оловянные кружки на столе, как мысленно их пересчитывает и нюхает, а потом веки захлопнулись, и слух перестал работать.

* * *

Проснулись мы с Мэри на кровати в капитанской каюте. Папа склонился над бумагами, лежащими на столе, и измерял там что-то циркулем. Но пробуждение маленьких нас заметил сразу.

– Переоденьтесь самими собой и приходите ужинать, – распорядился он и вернулся к работе.

Конечно, мы быстро оделись в шелка и вернулись – здесь уже заканчивал сервировку не кок, а один из матросов.

– Что, ошиблись с ромом? – спросил отец, когда за нашим кормильцем закрылась дверь. Мы с Мэри смущенно кивнули.

– Ладно. Теперь все всё про вас знают и больше выпивки не предложат. Кок чего-то травяного заварил. Или из листьев. Вот в этом кувшине, – показал он на узкогорлый керамический сосуд. Ешьте, пока не остыло. А потом я научу вас правильно зажигать и гасить фонарь. Огонь-то высекать умеете?

Мы с Софочкой помотали головой, а наша горничная кивнула.

Отец хмыкнул и продолжил:

– Так вот, огня на корабле не высекайте. В крайнем случае тлеющий фитиль имеется на камбузе. Туда и тащи фонарь, там зажги, закрой стекло и уже горящий неси куда надо. Кстати, зажечь свечу от тлеющего фитиля не так-то просто.

Мэри кивнула, а мы с Софочкой призадумались. Дома-то свечами всегда занималась прислуга, а хозяйева, даже трижды бери они интегралы, в вопросах освещения были скорее потребителями, чем участниками процесса. Так что загадка горящих свечей в эпоху до спичек достаточно любопытна. В исторических фильмах, как я припоминаю, господа зажигали свечи от свечи, ранее кем-то подоженной.

А тут случилась неожиданная интермедия – ни отец, ни его дочь к пище не прикоснулись, оба поглядывая на сидящую с ними на равных за столом... горничную?.. камеристку?.. То есть начинающую прислугу, усаженную за господский стол.

Мэри, словно вспомнив о чем-то, сложила ладошки и пробормотала короткую молитву насчет «Благослови, Господи, хлеб наш», после чего отправила за щеку первую ложку каши. Да, обычной перловой каши, хотя и с мясом. Наваристой и вкусной. Мы с отцом тоже перестали отвлекаться. В общем, разносолов в корабельном рационе не замечалось, хотя кормежка была сытной.

Запив трапезу травяным настоем, еще горячим, забрали фонарь из нашей тесной каютки и двинулись на камбуз, местоположение которого я на основании ранее сделанных наблюдений угадать бы не смог. Прошли под палубой до носа, где через люк нырнули вниз. Это вроде как трюм. В носовой сравнительно узкой части на пол была насыпана земля, поверх которой горел костер, над которым на цепях висели котлы, а на треноге стояла сковорода. Тут же наблюдались залежи дров, большая бочка, явно с пресной водой, ящики, корзины, мешки, бочонки и разная другая тара с припасами. Воздух здесь отличался крепкой закопченностью, но смрада или угара не чувствовалось. И еще крепкая деревянная переборка отделяла носовую часть трюма от всего остального корабля. Кроме как наверх, в большое межпалубное пространство, отсюда никуда не денешься. Типа небольшого гермоотсека, какие использовались в лодках моего времени. Логика подсказывает, что и под каютами в корме должно быть нечто похожее, хотя хода туда я не заметил. С другой стороны, как раз подходящее место для крюйт-камеры, где хранится порох.

Принесенный с собой фонарь мы открыли, распахнув одну из стенок. Лучинкой, воспламененной в костре-очаге, зажгли сальную свечу, да и вернулись в свою каюту, снова пробравшись между коек, на которых спали матросы. Такой вот на морских судах этой эпохи быт – комфорта минимум. Ну и присутствие кока рядом с горящим в трюме костром намекает, что открытое пламя всегда должно быть под присмотром, потому что пожар на деревянном просмоленном судне – чистая катастрофа.

– Сонь, а что это за выходка с молитвой перед ужином, – спросил я свою реципиентку уже на соломенном матрасе в тесной каютке.

– Джон и Бетти верующие, – ответила подрастающая аристократка. – И детей хотят воспитать в лоне церкви.

На что я мысленно оторопел и захлопнулся. Сонька наловчилась слушать или не слушать мои мысли, когда как хотела, а вот от меня она легко закрывалась. Возможно, терзания взрослого разума ее веселили, однако она редко насмешничала, чтобы не обидеть ненароком свой

внутренний голос. И вообще, опьянение после неосторожно хряпнутого рома пока прошло не до конца – в сон клонило со страшной силой.

Глава 5. Устаканилось

С самого утра Софи и Мэри окончательно освоились в непривычной для них обстановке и стали вести себя правильно. Служанка принесла воду и таз, а госпожа умылась. Правда, потом тут же умылась и прислуга – в походе все-таки, а комнаты для умывания мы на судне не встречали. Расчесались, заплели друг друга, как могли. Мэри сегодня оделась не в шелка, а в платье прислуги, и не забыла передник и чепец. Она же доставила в каюту завтрак, который девочки снова уплетали вместе из одного котелка. Закрытая дверь позволяла соблюдать условности не чересчур тщательно.

Однако прикольно было воспринимать раздражение юной аристократки из-за того, что подружка носится по кораблю, а она тут сидит и ждет, потому что не пристало ей хлопотать о быте – положение обязывает вести себя чопорно.

Затем, естественно, состоялась прогулка по верхней палубе, где Софи раскланялась с незнакомым джентльменом. Видимо, пассажиром из другой каюты. Кроме рулевого на корме здесь наблюдались только два матроса, бездельничающих, облокотившись о пушки. Их было две на баке – собственно, и все вооружение этого судна, потому что под палубой мы не встретили ни одной, хотя порты со всеми причитающимися им креплениями, тягами и прочей обвязкой имелись в большом количестве.

Ветер дул с кормы, но главные паруса отсутствовали. Ход обеспечивали только два меньших паруса на верхних реях да блинд на бушприте. Волны за бортом выглядели мелкими, качка не ощущалась. Тепло и пасмурно. И далеко впереди полоска берега выглядывает из-за горизонта. Море здесь далеко не пустынно – в отдалении видны другие корабли. В принципе, очень скучно.

«Внутренний голос! Придумай, чем бы заняться».

«Давай рассматривать пушку. Видишь, спереди отверстие. Это дуло, то есть срез канала ствола, – улавливаем движение со стороны, сопровождающей нас... компаньонки в данном случае».

– Так вот, Мэри, – озвучивает полученные сведения Софи. – Эта дырка называется дуло. Она отрезает от ствола канал, – за нашими спинами фыркают моряки, я поправляю хозяйшку, которая тут же вносит коррективы в свое выступление:

– То есть канал ствола – это глубина дырки, – и детская ладошка сворачивается желобком, проникая в пушку.

«Какой же это калибр?» – думаю я.

– А в глубине спрятан калибр, но я никак до него не дотянусь, – рассказывает Софи.

«До чего же она еще маленькая», – внутренне вздыхаю я.

– И это не я маленькая, а пушка большая, – горячится девочка.

– Отнюдь, мэм, – теряет терпение один из матросов. – Трехфунтовка.

Я смотрю на дульный срез и недоумеваю – они калибр по каким ядрам определяли? Или фунт у них слишком тяжелый? Хотя время такое. И футы, и фунты у всех разные. Я со своих времен помню дюймы. Но не уверен, что они нынче такие же, как в двадцатом веке. Даже не знаю, от чего плясать. Морскую милю помню, но в ходу ли она сейчас? Длину окружности земного шара еще древние греки измерили. А что по этому поводу думают англичане в конце семнадцатого века, ума не приложу. Хотя у них, кажется, еще и ярд был от кончика носа какого-то короля и до его оттопыренного большого пальца. Так что с метрологией перспективы безрадостные.

Зато пушка, по моим прикидкам, калибром смахивает на трехдюймовку. То есть можно и снаряд порохом начинить, и ударный взрыватель в эту бомбу вделать.

«Зачем?» – возникает в мозгу Софочкин вопрос.

«Чтобы папу пираты не обижали. Но чтобы добиться этого, придется многое узнать и многому научиться».

«А можно я Мэри тоже научу? А то она даже читать не умеет, потому что ее заставляют работать, а не ерундой заниматься».

Вот такая сразу этическая проблема. Софи может приказать своей служанке заниматься грамотой, но это отменит распоряжение матери – Бетти, чего умница Софи хотела бы избежать. Да и свою зависимость от домработницы она достаточно ясно осознает.

«Хорошо, что ты меня понимаешь, внутренний голос». – Софи действительно умница, хотя и малявка.

Один из матросов направил подзорную трубу в сторону идущего поодаль корабля с прямыми парусами. А слева заприплясывала камеристка. Она ведь ребенок, которому тоже хочется посмотреть. Софи несколько напряглась, или сочувствуя подружке, или сама желая приникнуть к окуляру.

– Уверена, милая, если ты обратишься к уважаемому вахтенному, он не откажет тебе в столь незначительной услуге, как позволить посмотреть в зрительную трубу, – произнесла носительница моего рассудка уверенным хозяйским тоном. Это был четко выраженный приказ, если кто-то не догадался. Дочь капитана потребовала от моряка при исполнении оптику для подружки. Восприняв эту мысль, Софи внутренне споткнулась, но матрос уже протянул подзорную трубу якобы горничной, которая приняла ее с неуклюжим книксеном.

И буквально впилась взором в проходящий мимо корабль.

– Фу, как некрасиво, – воскликнула Мэри, отрываясь от окуляра. – У них вся уборная на виду. В точности как у нас.

– Так сейчас повсюду, – пожал плечами матрос. Второй же, как я понял, контролировал происходящее с другого борта. Эти парни не бездельники, а сигнальщики, следящие за тем, что творится вокруг.

– Наш шкипер, когда перестраивали это судно, хотел сделать закрытые отсеки. Потому что, говорит, пассажирам может быть неудобно. Да и из обычных галюнов за борт вывалиться можно. Но тогда не получалось работать с якорем – для этого нужна площадка ниже клюза, и воткнуть ее больше некуда. И фока-галс надо как-то проводить.

– Перестраивали? – с моей подачи поинтересовалась Софи.

– Скорее достраивали, – поправил второй вахтенный. – Мы тогда в один порт заходили из-за течи, а там на стапеле недостроенный флейт ждал, когда заказчик с подрядчиком закончат скандалить. Нашу-то каравеллу вытащили на берег и приговорили на дрова из-за в хлам расшатавшегося набора. Отслужила старушка. Нужно было новое судно. Вот капитан наш и воспользовался удобным моментом купить новую посудину по приемлемой цене – тот недовольный заказчик требовал вернуть задаток, и деньги подрядчику нужны были срочно.

«Любопытно! Оказывается, у нашего папеньки случаются в кармане суммы, достаточные для покупки целого трехмачтовика».

«Папа не всегда платит все пошлины, – поспешила успокоить меня Софи. – И не всегда возит товары, которые были куплены».

Слегка контрабандист и немного перекупщик награбленного. Ведь добычу пиратов не во всяком порту продашь!

* * *

В Лондон мы прибыли заметно после полудня – наш переход длился меньше полутора суток. Наверно, около сотни миль прошли, так как двигались хоть и без спешки, но все время. Я в прошлой жизни в британской столице не бывал, но от изображений-то не деться никуда. Так вот, из всех осевших в памяти символов этого города в наличии был один Тауэр. Ни одно-

именного разводного моста, ни часовой башни Биг-Бэна не наблюдалось, сколько ни вглядывался. Так, россыпь невзрачных домишек по поросшим травой берегам, иной раз даже каменных – и чем выше по реке, тем они налеплены гуще.

К причалу встали без промедления, что ужасно всех обрадовало – говорят, иногда неделями приходится ожидать очереди на разгрузку или вообще лодками возить товары на сушу. Потом какой-то чиновник с бумагами толковал и с папой, и с тем купцом, что ехал пассажиром. А уж затем пошла разгрузка. Софи гуляла по берегу вместе с компаньонкой в сопровождении матроса по имени, ни за что не угадаете, Джон. Этого дядьку явно отклоняло в сторону кабака, который он и посетил, получив разрешение главной сопровождаемой. Пропустил стаканчик, так сказать. К нам с Мэри в это время никто внимания не проявил – мы находились среди людей, озабоченных делами. Тут все куда-то торопились. Хотя публика была самая разная.

Когда вернулись, тюки из опердека уже выгрузили и теперь извлекали из трюма бочки и мешки.

– К ночи управятся, – оценил наши перспективы сопровождающий. – Проводить вас в каюту?

– Не стоит, – отреагировала Мэри в великосветской манере. – Возможно, Джон, ты знаешь на берегу трактир, где мы с госпожой могли бы перекусить, а ты бы еще стаканчик пропустил.

«Мы пробовали меняться ролями, – немедленно утихомирила мое недоумение Софи. – Видишь, получилось неплохо». – Да уж! Скучающие дети – это очень много неожиданностей.

Джон с заметным напряжением сфокусировал на нас взгляд – похоже, пропустил он не самый маленький стаканчик – и радостно кивнул. А подружки переглянулись, после чего Мэри быстренько смоталась на корабль, откуда вернулась в дареном шелковом платье и шляпке. Девочки явно собирались воспользоваться ситуацией для получения удовольствия, потому что передника на служанке не наблюдалось – она собиралась косить под благородную.

* * *

Кабаком это называлось или трактиром, но публика здесь наблюдалась чистая, хотя присутствующие дамы, кажется, находились на работе. Тем не менее выглядело все пристойно. Официант с выбритым лицом, белый передник, полотенце через руку – явные признаки респектабельности. Да и само заведение вовсе не в подвале, а в светлой комнате с окнами.

Наворачивали мы баранину с фасолью, причем если наш сопровождающий пользовался ложкой и собственным ножом, то Мэри уверенно управлялась вилок – вчера за употреблением каши я этого наблюдать не мог. Пусть не письму и счету, но правилам поведения подружку Софочка обучает. Впрочем, Джон тоже убрал свой матросский инструмент и «обнаружил» столовый ножик среди приборов. Да и вилку в дело пустил вместо пальцев. Насвинячил немного и руки попытался вытереть о штаны, однако Софи ему указала на салфетку. Я четко видел недоумение на лице опытного моряка, когда он удалял загрязнение со своих просмоленных ладоней белоснежной тканью. Накрахмаленной.

Что? Крахмал ведь из картошки добывают! Кстати, а где она сейчас в этом времени? Знаю, что индейцы трескали ее испокон веков, что испанцы с этой культурой знакомы, а в Англию кто-то знаменитый тоже ее привозил. Но вот в повседневном обиходе она пока не прижилась – не вижу ее на столах ни в каком виде. Надо бы выяснить и подсуетиться, потому что картошка не только питательна, но еще и от цинги спасает.

* * *

Когда мы вернулись в порт, выгрузка уже завершилась, а команда копошилась в трюме, поднимая щиты настила – пайолы. Под ними были уложены булыжники балласта, которые тоже извлекали, освобождая доступ к обшивке днища. Мы тут же переоделись юнгами и полезли все это смотреть. Главное в таком деле – не попасть никому под ноги. Ну и фонарь мы взяли из своей каютки, потому что снаружи уже смеркается, а в трюмах вообще окна отсутствуют как класс.

Меня конкретно интересовали способы скрепления деталей корабельного набора – каркаса, на котором держится обшивка. Я эти места придирчиво осматривал, используя в качестве щупа щепочку – просовывал в предполагаемые щели. Софи без вопросов отдала мне полный контроль над телом и только наблюдала. А Мэри подавала то мелок, то уголек – я делал пометки.

Трюм – довольно просторное помещение, обшитое длинными, параллельно расположенными досками, приделанными к шпангоутам, которые идут поперек. И моему искушенному конструкторскому глазу четко видна недостача диагональных связей, которые мешали бы этой конструкции изгибаться под действием волн. Не ударов, а когда нос и корма поднимаются, а середина как бы повисает на них, или наоборот. Препятствуют этому только узлы крепления, которые расшатываются длинными рычагами шпангоутов и стрингеров, а удержанию способствуют сопротивления на изгиб этих самых стрингеров и килевого бруса. Точного сопромата мне здесь не навести, как и достоверного расчета нагрузок, но чисто по опыту и на глазок не помешают четыре длинных, метров по восемь, укосины сечением примерно сто на сто пятьдесят. На каждом борту. Это для продольной жесткости. А вот с поперечной все значительно лучше – кормовой отсек, как я и предполагал, отделен глухой переборкой, которая неплохо выполняет работу ребра жесткости. Достаточно пришпандорить пару длинных досок наискосок домиком. И еще в паре мест посередине в районе грузового люка нужны короткие косынки между бимсом и вторым сверху стрингером между шпангоутами.

Как же донести эти мысли до окружающих нас взрослых дядечков изнутри маленькой девочки? Тем более что они постукивают киянками днище по конопаткам, загоняя паклю в обнаруженные щели. И готовят досочки, которые потом пришьют, чтобы вода не проперла заделку внутрь.

– Хокинс! – громко кликает корабельного плотника перехватившая управление телом моя маленькая хозяйка. – Вы мне очень нужны.

– Да, мисс Софи!

– Вот в этих местах, помеченных белым треугольником, необходимо высверлить нагели и заменить их железными болтами, – она протолкнула щепочку в щель, демонстрируя первые признаки расшатывания. – В местах, отмеченных черными стрелками, следует, также болтами, закрепить тридцатифутовой длины пиллерсы сечением четыре дюйма на шесть. И вверху, и внизу в стык шпангоута и стрингера...

Про переборки и горловину трюма она тоже доложила конкретно и четко.

– Надеюсь, вы все запомнили, Хокинс, – выступил из тени в освещенный круг папенька. – К утру нужно закончить, потому что начнется погрузка.

– Да, сэр, – ответил плотник, разумеется, капитан.

В центре у кормовой переборки шумно всасывала воду помпа, а мы с Мэри, пользуясь отсутствием части камней балласта, подгоняли к ней воду швабрами. Уровень ее был меньше дюйма и постепенно снижался – течь явно уменьшалась.

Глава 6. Лондон

Четыре двойных удара в колокол, это восемь склянок. Смена вахты. Девочки уже научились определять время по судовой системе отсчета. Тем более что здесь, в большом порту, подобного рода сигналы четко доносятся со всех сторон. И словно точно по часам раздался стук в дверь – кок принес завтрак в двух котелках.

– Капитан приказал вам по первой склянке быть на пирсе у трапа готовыми убыть к тетушке. За вещами зайдут матросы.

Первая склянка ровно через полчаса после восьмой – в половине девятого. Времени поесть и переодеться вполне достаточно. Девочки еще не до конца выспались, поэтому немного вялы, но это только несколько минут, а потом дружно заработали ложками, попутно обсуждая платья, которые им следует надеть. Их удаляют с судна и перевозят к сестре отца, живущей здесь в Лондоне замужем за джентльменом. Их дети старше моей хозяйки, хотя их мать младше своего брата.

Вариант одежды был выбран «госпожа и служанка», то есть максимально правдивый и соответствующий ожиданиям окружающих. Сборы не заняли много времени. Потом пришли три матроса. Один унес пустую посуду, а двое забрали сундук. Кстати, всю палубную команду Софи уже знает по именам, в отличие от меня, не отличающегося памятью на лица и идентификаторы.

Переход на берег по широкому крепкому трапу к ожидающей карете и отцу. Взгляд назад – экипаж стоит на палубе, поглядывая в нашу сторону. Только платочками не машут. Устали, наверное, в трюме под руководством судового плотника. И еще их больше, чем я думал. Многие десятки, хотя на глаза мне они попадались группами от двух до пяти человек.

– Просили оставить вас на лето, пока мы каботажем, – с усмешкой пояснил папенька. – Говорят, веселее с вами.

– Пусть кота заведут, – буркнула недовольная Сонечка. – А то я в трюме видела крысу.

– Кот сам придет, если захочет, – откликнулась Мэри. – Их в порту полным-полно.

– Пап! А почему у тебя гафель прикреплен к мачте ниже марса? – озвучила мой вопрос Софьюшка.

Отец внимательно рассмотрел верхушки мачт, почесал затылок, сбив набекрень шляпу, и ответил:

– Потому что сегарсы через салинг не пройдут, – сразу целая куча незнакомых слов.

Мэри отворила дверцу кареты, дождалась, когда господа усядутся, а потом взгромоздилась на место рядом с кучером – она беззастенчиво пользовалась положением прислуги при каждом удобном случае и теперь обозревала окрестности с самого удобного для этого места. Как же завидовала ей моя хозяйка! Все-таки дети – ужасно непосредственные существа: маленькое мутноватое стекло в дверце кареты не так-то много позволяло рассмотреть. Странно. Из исторических фильмов я помню, что это окно обычно завешивают шторкой, которую легко отодвинуть. Или это требовалось сценаристам для всяких там разных диалогов? А реквизиторы подчинились? Вообще-то в Англии не так уж редки дожди, так что занавески тут не к месту.

Вот, стоило вспомнить о дожде, как он и начался. Отец стукнул в переднюю стенку и после того, как возница остановил экипаж, затащил Мэри под крышу. Ему пофиг, что она служанка, потому что ребенок. А на кучере толстый плащ и шляпа с широкими полями – он к любому ливню готов.

Колеса пошли мягче, шелестя по размокающей грязи. Отец извлек из толстой кожаной папки лист бумаги и карандаш. Изобразил бизань-мачту в профиль и показал, что парус при-

креплен к дереву как бы охватывающими его кольцами, которые выше площадки, к которой прикреплены ванты, подняться не могут.

– Ванты мешают и гику, и гафелю чересчур отклоняться вбок, – следуя моей мысли, прошебетала Софи, попросила карандаш, и я дорисовал парус косою линией от верха мачты и до конца гафеля.

Отец кивнул и нарисовал новый вариант мачты с гафелем и свежеизобретенным топселем, прикрепленным выше площадки марса. Наметил такелаж, задумчиво провел линии шкотов мимо конца гика и задумался.

Мы с Софи с интересом наблюдали за ходом мыслей, которые непрерывной чередой отражались на его лице.

Папенька некоторое время пытливо всматривался в изображение, а потом убрал лист обратно в папку.

– Если случится фрахт до Глазго, завернем в Гринок и там переделаемся, – пробормотал он про себя.

– А сейчас куда пойдете? – спросила Софочка.

– В Дублин. А оттуда, скорее всего, повезем бычков, но вот куда, не знаю. Это только на месте выяснится. С этим скотом очень хлопотно и платят мало, зато почти всегда есть груз, потому что его не очень охотно принимают на борт.

– Может быть, встретишь там картофель, – опять с моей подачи полюбопытствовала Софочка. – Он от цинги помогает. Мне хотелось бы получить несколько клубней для выращивания цветов.

Папа мягко притиснул к себе свою девочку и ничего не ответил.

* * *

Тетя Аннабель приняла нас приветливо. Меня даже приголубила... то есть Софочку. Долго расспрашивала об Агате, Консуэлле и Кэти – маме и сестрах. Сама поведала о своих семейных делах – ничего примечательного. К обеду вышли и остальные домочадцы. Глава семьи, на наш с Софи взгляд, был чересчур толстым и слишком налегал на хмельное. Двоюродные же брат с сестрой никакого интереса к малявке не проявили. Они уже большие и очень важные. Причем малец собирается поступать юнгой на военный флот, а девчонка занята музицированием, для чего ей купили итальянский клавиесин. Род же занятий отца этого семейства как-то связан с юстицией – точнее я не уловил. Только ясно, что он где-то служит.

После обеда отец откланялся, а Софи отправилась в выделенную ей комнату – просторную и со вкусом обставленную, – где ее сразу отыскала Мэри. Девочки немедленно принялись перемывать косточки хозяевам, мгновенно согласовав позиции и выработав общую линию поведения – рвать когти из этого невыносимо скучного места, для начала его хорошенько изучив.

Я не стал уточнять, что важнее, смыться или осмотреть дом, потому что к обходу они приступили сразу. И первой встретили комнату с клавиесином, где, приподняв крышку, Софи довольно уверенно исполнила «Собачий вальс» – единственное доступное мне произведение: я точно помню, на что и в каком темпе нажимать. Правда, были затруднения с длиной пальцев, но не очень большие. Затем мы оказались в комнате с письменным столом и книжным шкафом. Здесь обнаружили гравюры с изображениями кораблей. В этот самый момент обеим засранкам резко перестало быть скучно, потому что началась дискуссия о том, что лучше, блинд или большой кливер, который обе считали стакселем.

– Блинд в свежую погоду забрызгивается и намокает, – донесся голос от двери – сынуля пришел. Мэри немедленно сделала шагок в сторону и сложила руки на передничке, потупив глазки, а Софи всем своим видом выразила согласие. Какие артистки пропадают! И ведь обе

явно уже мечтают о дальних плаваниях и неизведанных берегах. – А кливера толком не работают, да еще и бушприт ломают.

– А у меня есть подзорная труба, – не удержался от хвастовства мальчуган. – И я знаю место, откуда виден фарватер.

Вообще-то подзорные трубы редки и дороги – это нынче очень ценная вещь. На папенькином корабле их всего-то одна-единственная штука. Но девочкам на это плевать, потому что очень хочется посмотреть на кораблики. Мы дружно двинулись вверх по лестницам, пока не добрались до люка на потолке.

– Эм. Мистер Ричардс, – остановила возникший порыв Софи. – Боюсь, сегодня мы не сможем составить вам компанию, – она четко подумала о том, что на чердаке будет пыльно, а переодеться в штаны и тужурки в чужом доме как-то не по-благородному. – Мне нужно подготовиться к завтрашнему дню. Я намерена посетить лондонские магазины. Надеюсь, в этом доме имеется свой выезд?

– Мы пользуемся наемными каретами, потому что места для конюшни в этом доме нет, – перешел на светский вариант общения сын хозяев.

– Я обо всем позабочусь, мисс Корн, – смиренно доложила Мэри. – Сразу после завтрака карета будет у подъезда.

– Хорошо, можешь быть свободна, – с высокомерной гримасой на физиономии кивнула «госпожа».

Через полчаса две прокравшиеся через пустынный дом фигурки в штанах и тужурках проникли на чердак, преодолев хлипкую, практически вертикальную лестницу.

– Вот здесь, у слухового окна, кажется, не слишком пыльно, – прошебетала Софочка и тоненько чихнула.

– Меня за такое «не пыльно» мокрой тряпкой бы отстегали, – ответила Мэри. – В чем бы принести воды? И как при этом не попасть на глаза прислуги!

В этот момент я буквально завопил в душе намеревающейся навести здесь порядок начинающей аристократки – еще немного, и они с подружкой вляпаются в неприятности.

– Возвращаемся обратно и приводим себя в приличный вид, – распорядилась Софи. – Мне внутренний голос подсказывает, что тут нам вольности с рук не сойдут.

* * *

– Карета подана, мисс Корн, – доложила Мэри, едва семейство и гостя закончили завтракать.

Софи поблагодарила хозяев, встала из-за стола и проследовала на выход прежде, чем прозвучали какие-либо вопросы.

– Вернусь к ужину, – добавила она для ясности.

Тетушка Аннабель только собиралась с мыслями, а маленькие плутовки уже забрались в экипаж и поторопили кучера – у них сегодня поход по магазинам. Разумеется, сначала туда, где торгуют материалами. Точнее, металлами. Меня интересовал выбор сталей, цены на медь, олово и свинец. Да и вообще посмотреть, какими сплавами может порадовать этот мир.

После склада железяк, на котором нашлось не так уж много интересного – мягкое железо, пара видов полос стали иноземного происхождения и чушки чугуна – мы поехали изучать, как обстоят дела с порохом, но нас даже на порог не пустили. Как-то я растерялся и от огорчения позволил затянуть нас в стекольную мастерскую. Тут было на что посмотреть, пока стекловар не шуганул нас. Но это не страшно – неподалеку погромыхивала кузница. Вот здесь нам про стали рассказали значительно больше, потому что Мэри договорилась с мастером за два пенни – никто нас не прогонял. Сломались мы у гончара – словоохотливый оказался дядька, к тому

же незанятый прямо сейчас – у него сам по себе проходил этап предварительного обжига на малом огне, и нужно было подождать два часа.

Вот из этой мастерской мы и вернулись в дом тетушки Аннабель, которая отругала Софию за самовольство и сказала, что завтра сама познакомит нас с городом.

С тетушкой все получалось намного проще – с ней разговаривали не просто как с взрослой, но еще и как с госпожой. Мой чертеж стеклянной банки квадратного сечения, но с круглой горловиной, был рассмотрен. Мастер сказал, что сделает. Когда я потребовала сразу четыре штуки, причем с желобком под горлышком и с крышками такого профиля, чтобы выступ внизу проваливался внутрь, а кромки ложились на края горловины, все стало по-настоящему интересно. Чтобы немного придержать процесс стихийно начавшегося взвинчивания цены, мы снизили требования к качеству стекла до минимальных.

Задаток внесла Мэри. Оказывается, кошелек со средствами на расходы отец вручил ей как более практичной.

– Ты вся в Джонатана характером, – сказала тетушка, когда мы покинули стеклодува и стояли на улочке, куда выходили двери многих лавок и мастерских. – Такой же неугомонный придумщик. Куда дальше?

– Мне нужна сера, – ответила подстрекаемая мною Софи. – Я хотела найти ее там, где делают порох, но нас прогнали.

– Думаю, я знаю, где ее искать, – Мэри, подчиняясь нашему кивку, учтиво распахнула дверку наемной кареты, и мы забрались под крышу экипажа – снова начинался дождь.

В отличное местечко привезла нас миссис Ричардс. Для меня это вообще была настоящая лавка чудес. Здесь продавали не только серу в виде порошка, но и серную кислоту в стеклянных бутылках. Особенно хозяин нахваливал высочайшего качества индийскую селитру, которая меня как-то не интересовала.

Как я понял, что в бутылке серная кислота? Догадался, когда в названии прозвучало слово «купоросное». А селитру просто узнал по виду – оба эти понятия Софочке незнакомы, вот мне и пришлось разбираться со слуха и по внешнему виду. Жалко, что в этот момент меня ничего, кроме серы, не интересовало, а то прямо глаза разбежались от изобилия самых разных веществ, большинство которых были мне неизвестны.

Того, что искали, взяли пару фунтов и двинулись дальше – на поиски каменного масла – меня интересовала нефть.

Опять нашли. В бочках, в бочонках и в бутылках. Хотелось всю бочку, но в карету поместился только бочонок.

Мне сразу захотелось домой, где тихо и спокойно, где рядом кузница. Но нужно было соблюдать приличия, и я перестал дергать хозяйшку. Девочки отправились выбирать шляпки.

Глава 7. Ко всему привыкаешь

В доме тетушки девочки прижились быстро – адаптивные семиселки, этого у них не отнять. С двоюродной сестрицей Софьюшка изредка сживала за клавином по часу или около того, всегда заставляя находиться рядом свою камеристку. Даже если держишь в руках поднос с чашкой компота, внимать уроку это не мешает, поэтому учениц у мисс Ричардс было две – самозваная наставница рта не закрывала, втолковывая малявке то, что успела усвоить из музыки. Невольно и Мэри нахватывалась, пусть и по верхушкам.

Брательник был настолько же занудлив, без конца показывая картинки корабликов и втолковывая, что на них для чего служит. Его никто не перебивал – сведения просто усваивались. А вообще-то мальчуган реально собирался на флот – его куда-то даже зачислили и теперь только дожидались возвращения корабля. Матушка от этого сильно переживала, в то время как отец отпрыска своего поддерживал.

Как я понял, Ричардсы землей не владеют и живут с того, что зарабатывает глава семейства.

Тетушка с удовольствием обходила с гостьей и ее служанкой лавки и мастерские, что нередко было одним и тем же. Вернее, все мастерские точно торговали своими поделками, а вот магазины встречались и с привозным товаром.

Как-то раз наша компания задержалась в лавочке с фарфором явно не из Китая. Но кое-что интересное встретилось – я разглядел, как под навесом работник полощет белую глину в промывочном лотке. Не золото же он добывает! Софьюшка мигом выяснила, что все наоборот – в дело идет вымытое «молочко» – оно отстаивается в большой бочке, медленно оседая, а воду сверху сливают, чтобы вычерпать уплотнившуюся на дне глину. Крупинки же со дна лотка идут в отбросы. Их уже целая куча накопилась.

Потрогал я этот песок, а он нашу с Софочкой руку и царапнул шершаво – грани у песчинок оказались со сколами, когда мы их рассмотрели под лупой. Ну, у тех, что покрупнее, а то они разных размеров встречались. Тут главное – вполне приличной твердости абразив. Так что все эти отходы мы и купили за три пенса два мешка. Мешки нарочно использовали кожаные, так что размеры их были не слишком велики – по полведра навскидку. Тканые не годились – я боялся, что мелкая фракция высыплется при транспортировке.

Дело в том, что определенная концепция грядущих свершений в моем сознании начала потихоньку складываться, и абразивный инструмент ложился в нее неплохо, ведь инструментальных сталей пока кот наплакал, да и попробуй еще до них доберись – все мастера сидят на своих секретах, а науки только начинают приходить в состояние, когда обмен информацией – норма. Разве что астрономы делают публикации, да математики или физики-теоретики, к которым в эту эпоху можно смело относить Ньютона и Гюйгенса, благо оба вроде еще живы. А знания в области технологий доступны через поваренные книги, травники и сонники. Даже время моряки отмеряют песочными часами, которым верят больше, чем механическим, которые в море врут напропалую.

Понятно, что по местам, где торгуют книгами, мы прошли не один раз. Надо же! Нашлись таблицы логарифмов и синусов с тангенсами! Даже на логарифмическую линейку набрели. Все-таки крупный торговый город – это много неожиданных открытий. Выяснилось, что уже исследованы многие кривые, в том числе и эвольвенты. Книжки, конечно, недешевы, но папенька оставил нам с Мэри достаточно средств. Мы и про навигацию по небесным телам купили литературу, и некоторые рассуждения о сути металлов. Может, они и на ложных представлениях основаны, зато данные трактуют современные, в том числе и практические. Жаль только, что все они на латыни написаны – пока еще разберешь... А вот о кораблях нашлась только брошюрка за авторством какого-то Роли, зато на удобочитаемом местном английском.

Я узнавал новое для себя об этом мире, Софочка подслушивала мои мысли, а Мэри так старательно играла роль прилежной прислуги, что буквально растопила сердца тех, с кем имела дело, – она ведь тоже совсем маленькая.

В самом конце лета пришел папенькин флейт. Отец забрал нас вместе с накопленными сокровищами, для доставки которых к реке пришлось нанимать повозку. Судя по тому, что погрузка и выгрузка судна занимали всего несколько часов, грузовоз этот не отличается большой вместительностью, зато неплох на ходу и послушен экипажу, потому что легко спустился по Темзе и уверенно вошел в эстуарий речушки, в устье которой располагался наш Ипсвич, затратив на дорогу опять около полутора суток. А ведь от нас до Лондона около шестидесяти миль по суше. Миля здешняя сильно больше километра, правда, я пока не понял, насколько. Учитывая, что еще и плыли мы вкругаля, этих миль получается гораздо больше сотни.

Картошки папа привез фунта четыре – тугие такие клубни размером с девичий кулачок. Половину мы сразу посадили – братья Мэри Ник и Майкл вскопали грядку. Вторую половину я до весны спрятал в подвале. Как-то вдруг подкрался сентябрь, и тут выяснилось, что моя реципиентка ни в какую школу не ходит.

* * *

Отец после короткой побывки ушел в свои моря, а Софи потребовала школу – не иначе мои мысли на свой лад восприняла. Хоть и гнездимся мы с ней в одной черепушке, однако не все наши соображения совпадают. Бывают и случаи полного несогласия, но решение всегда остается за ней – я тут на птичьих правах и вякнуть могу только с ее разрешения. Так что приходится отключаться, когда становится совсем невмоготу. В общем, из прострации я вышел, когда до меня дошло – этот ступор младенческого высокомерия намерен не учиться, а учить. И маменька туда же:

– Детям нашей Бетти я могу просто приказать. Мальчики кузнеца придут – никуда не денутся. Они арендную плату уже за полтора года нам задолжали. Так что класс у тебя будет из шести учеников. Остальных родители не отпустят – им не грамотеев нужно вырастить, а справных работников воспитать.

«Против обучения детей счету и письму возразят не все наши арендаторы, – четко для меня подумала Софи. – Тупых среди них нет. К зиме, правда, читать они научатся, а уж что будет потом – поглядим. Ты, внутренний голос, их какому-нибудь ремеслу начни учить, тогда отцы их силой к нам погонят».

«Не понял! – изумился я. – Ты хочешь учить много детей длительное время? Сначала надолго закрывала от меня свои мысли, а тут вдруг бах, и планы на многие годы!»

«Ты так много всего напридумывал! Я была просто в ужасе, что все это придется делать вот этими пальчиками, – она подняла руки и позволила мне полюбоваться на маленькие девчачьи ладошки. – А если ты подготовишь умелых и знающих работников, будет значительно проще. Как у папы на корабле, где опытная команда».

Вот тебе и девчушка-малышка! И ведь она права. Правее меня со всеми моими наполеоновскими планами. Осознав это, я принялся всерьез обдумывать содержание уроков с детьми крестьянскими. Для начала, конечно, письмо и чтение вместе с элементарной арифметикой. Капелька природоведения с демонстрацией расширения тел при нагреве. Длина, объем, вес... То есть налегать на практические моменты.

Я сидел за столом, исписывая лист за листом учебными планами, отдавая себе отчет, что Сонька в нашем одном на двоих теле сомлела и уснула. Через какое-то время и я провалился в царство Морфея.

* * *

Пробуждение было забавным. Моя хозяйка вопила мне прямо в мозг, что у нее все шевелится не так, и вообще она чувствует себя отвратительно. Ну да, затекло тело в неправильной позе.

«Дай-ка я это дело разрулю», – попросил начавшую паниковать малышку, которая не привыкла себя плохо чувствовать. Получил согласие вместе с контролем над тушкой и принялся за легкую разминку – осторожно покрутил головой, поворачивал плечами, потом локтями повертел. Неглубокие наклоны, махи руками, медленные приседания – так и разогнал кровушку по жилочкам.

«Интересно, – откликнулась Софи. – Давай теперь я сама», – и повторила комплекс упражнений. После чего приступила к умыванию. А я подумал, что к физической культуре ребенка не причастил, гигиене не обучил, маленьких вредоносных зверьков, живущих в воде, ей не показал – то есть вел себя как законченный эгоист с амбициозными планами.

«Про культуру сначала расскажи. Про эту самую, физическую. Только понятными словами».

Ну я и завернул про греческого атлета, который носил на плечах маленького бычка, а по мере того, как подрастал бычок, увеличивалась и сила его носителя.

«С ягненка начну, – заключила Софи. – Мне даже новорожденного бычка на плечах не удержать».

«Стой, – взмолился я, поняв, сколь опасное семя заронил в юную доверчивую душу. – Тебе слишком много силы иметь без надобности, потому что ты девочка. Твои достоинства быстрота и гибкость».

«Гибкость? Это как?»

«Чтобы суставы хорошо работали. Ну, я же тебе показал движения».

«То есть сил девочкам не нужно?» – подозрительно-ядовито спросила Сонька.

«Нужно. Но не так много, чтобы быков носить».

«Показывай комплекс этих твоих упражнений, которые для силы», – и топнула ногой прямо по мозгам.

Показал отжимания, уголок на полу с ножничками и подтягивание на руках, вцепившись в угол шкафа.

«Только не усердствуй, – попросил я в заключение. – Некоторые часами себя изматывают, стремясь кого-то обогнать или что-то преодолеть. Тебе это не требуется – и так весь день носишься. Разомнись чуточку с утра после сна, да и не трать времени понапрасну».

Софи внутренне хмыкнула, подпрыгнула, ухватившись за уголок шкафа, и повисла, пытаясь подтянуться. У нее это шло значительно труднее – навыка не было. Но справилась, от души подпрыгав ногами – невелика наука.

Забавно. Одно и то же тело под управлением разных разумов действует не одинаково.

* * *

Насчет сбора учеников в школу суетилась Мэри – не барское дело ходить по домам арендаторов, если не по вопросу выколачивания долга. Так вот, на первом уроке учеников было целых десять – к запланированной команде присоединилось четыре мальчика. Мы с ними выучили сразу три буквы алфавита, из которых сложилось имя одного из детей кузнеца – Том. Потом считали яблоки. Ровно десять. Когда сосчитали – каждый съел по одному. Ну и про расширение тел – опыт с монеткой, которая до нагрева проходит между парой забитых в дощечку

гвоздей, а горячая застревает и висит, пока не остынет. Конечно, гвозди нынче дороги, поэтому попытку их хищения мы пресекли розгой.

Единственная девочка-ученица дискриминации со стороны мальчиков не подверглась, потому что рядом с ней ее братья. Так что до конца запланированных занятий неожиданно-стей не было. Зато потом коллектив учащихся собирал в саду упавшие яблоки, сортируя их на битые, гнилые и за пазуху. Мэри потом объяснила нам с Софочкой, что задаром никто никого не учит. Но, поскольку у учащихся обычно денег или чего-то ценного нет, часто расплачиваются работой. Да уж – практичная особа.

* * *

Мне никак не давал покоя вопрос о следующем шаге на пути технического прогресса. Требовались абразивные круги, которые я собирался спечь из купленного в Лондоне шершавого песка, но как-то он у меня не слипся – сколько ни калил я образец в железной емкости на пламени очага – рассыпался прототип точильного бруска, едва я начинал им хоть что-то тереть. То есть для качественного спекания не хватало температуры. Тащить эксперимент в кузнечный горн не стоит – к мусору в пламени мистер Смит относится плохо. Сооружать особую печь и доводить ее до ума – это ж сколько сил и времени понадобится, начиная с добывания огнеупорного кирпича!

И тут Бетти случайно грохнула горшок, обвинила в этом Майкла за то, что тот дрова в печку подкладывал, чем ее и отвлек, и принялась сметать черепки. Они звонко погромыхивали, воспламеняя надежду в моей душе. Через два часа я был в соседнем селении, где сговаривался с местным горшечником – автором сосуда, почившего на моих глазах. Звонкого, что указывает на твердость этого изделия. Ну да я теми черепками поцарапал разные предметы и выяснил, что можно ими обточить, а что нет. У меня возникло предчувствие, что все получится. Не зря же я так вдохновенно готовился к началу технической революции в отдельно взятом захолустном поместье!

Глава 8. Технологии механообработки и ватага сорванцов

Прежде всего я сделал ручное точило. Цельнодеревянное с точильным камнем из того же материала, что широко используемые в окрестностях горшки. Разумеется, оно скрипело и било, что основному делу препятствовало не фатально. Главным элементом будущей точности являлись козлы, изготовленные городским столяром. Они были исключительно прочны и выделаны тщательно и точно. Вот в них и уложили деревянную заготовку оси, которая пока – длинный цилиндр, напоминающий рукоятку для лопаты. К ней сбоку подвели диск точила.

Кирпич дерево точит, хотя и неохотно, и с горелым запахом. То, что точильный камень бьет, конечно, неприятно, но на каждом обороте он бьет одинаково и одинаково заглубляется в бок цилиндра той своей частью, которая максимально далеко отстоит от оси. Этот цилиндр мы постепенно перемещаем в козлах вдоль длины и вращаем вокруг собственной оси. Сначала, разумеется, идет грубый обдир, но по мере повторения операций, заготовка все более приближается к идеальной форме.

Наконец, выставившемуся за пределы козел окончанию придается чуть конический профиль. После отрезания он становится новой осью точила, которое бьет уже заметно меньше. Теперь обработке подвергается точильный камень – керамическое кольцо, натянутое на эту ось. То, что особенно сильно выставляется за пределы идеальной окружности, стачивается об обычный камень, поднятый с земли и закрепленный на постоянной высоте. Закреплен он, конечно, удержанием рукой, а опирается о брусок, по которому той же рукой чуть-чуть смещается по горизонтали. Снова уменьшаются биения. Далее методом последовательных приближений работы продолжаются – детали точила заменяются на более культурно изготовленные.

Для меня важно, что работа прodelывается десятью парами детских рук при созерцании процесса тем же количеством детских глаз. Для сыновей крестьян, еще не постигших секрета операции умножения, это интересно. Ну и опять же в толпе сверстников всегда веселее. И за результат переживают, что добавляет ребятишкам увлеченности. Так что время, затрачиваемое на отработку в уплату за обучение грамоте, тоже используется для познания приемов производства машин и механизмов, пусть и деревянных моделей.

Зачем мною задействовано столько народу? Устают ребята. Дети все-таки, а не паровые машины. Одни по очереди точило крутят, другие деталь подают да поворачивают. Постепенно все проходят оба вида деятельности.

Создание парка металлообрабатывающих станков в условиях отсутствия в моем распоряжении инструментальных сталей и, собственно, станков, придется проходить поэтапно.

Вот сейчас у деревенского горшечника сохнут точильные круги, где в глину обильно подмешан абразивный порошок, просеиванием разделенный на фракции – крупную, мелкую и среднюю. Первый обжиг подобной партии был неудачным, отчего гончар изменил состав замеса. А еще для формовки изделия пришлось отливать оловянную форму, потому что при работе на гончарном круге трудно выдержать совершенную цилиндричность – он немного бьет. И абразив царапает пальцы.

Все по Ленину – шаг вперед, два шага назад.

К столяру в городок приходится ездить – то стол нужен особо жесткий, то козлы специальной формы, то станок-основание для обновленного в очередной раз точила – Софочка беспардонно эксплуатирует Джона и семейную карету. А также денежные средства, предоставляемые матушкой. Это после уроков, когда Мэри вдохновенно использует детский труд на благо господского дома.

Про мелочи помяну. Для сит использовал ткани разной плотности плетения – в женских нарядах и сейчас встречаются различные виды воздушных, газовых или кисейных материй. Особенно в туалетах для жаркого времени года. А сами сита сделал один из учеников, что приходит с хутора – его родители живут не в селении, а на отшибе на подворье со скотом и хозяйственными постройками.

То есть ребяташки рукастые и неизбалованные.

Почему я так упорно совершенствую точило? А это для меня сейчас что-то вроде резца или фрезы, потому что ни закрепить заготовку толком, ни раскрутить ее как следует у меня возможности нет – отсутствуют приличные подшипники. Поэтому заготовку крутим медленно, вручную, позиционируя в козлах, а «мясо» грызем активным резцом. Да, подшипники у нас деревянные, но шкивы уже вполне культурные, и клиноременная передача позволяет менять соотношения скоростей вращения – мы ее добавили к конструкции, едва смогли вытачивать колеса с желобком. Тоже пока деревянные.

* * *

Выточили две деревянные скалки, каждая с ручками на обоих концах. Это модели для отливки валков. Выполнили мы их из осины, которая сгорает, оставляя мало пепла. Гончар облепил их глиной, просушил и обжег. При обжиге древесина сгорела – пепел легко выдулся, а зола высыпалась. Получились две формы, залить металл в которые можно через конец одной из рукояток. И наши труды переехали из сарая в кузницу, где мистер Смит расплавил в тигле предусмотрительно привезенный нами с Софочкой чугун и провел литье.

Разумеется, формы пришлось разбить. Сам-то наш деревенский кузнец раньше только из бронзы кое-что отливал иногда, поэтому повторил известные ему приемы на новом для себя материале – чугуне. Еще его несколько смущала публичность действия – коллектив учащихся присутствовал полным составом, а Софочка еще и комментировала. Но, что удивительно, ни один не попал под ногу и не подпихнул под руку, а только споры шли о том, чья очередь качать меха. И отливки получились вполне приличные.

Вот их-то мы и довели до кондиции на нашем козловом токарном станке точильными кругами из кирпича с абразивом – одна из рецептур замеса обожглась хорошо.

Следующие «дополнительные» занятия были посвящены созданию деревянного прокатного стана с чугунными валками. Требовалось изменение нажима сверху. За неимением лучшего использовали рычаг. Снова применялся массовый детский труд, потому что хоть как-то плотничать пацаны умели. Ну и строили мы не на века.

Сам наш стан размером и конструкцией напоминал устройство для отжима белья в старых стиральных машинах, только ручки крутили одновременно с двух сторон те, кто посильнее. А работать на прижимающем рычаге доставалось самым чутким – как только крутильщики начали затрудняться, нужно немедленно приотпустить.

Затем работы снова были перенесены в кузницу, где разогретые в горне три железные полосы мы раскатали в длинные листы толщиной два с половиной миллиметра – примерно одну линию или десятую долю дюйма. А остальные – в две линии. Эти предназначались для постройки настоящего прокатного стана, но пока их отложили в сторону.

В одном из тонких листов вырубали круглые окна диаметром с наружный диаметр горловин изготовленных еще в Лондоне стеклянных банок. Из вырубленного сделали круги с диаметром выступа на стеклянных крышках тех же банок. И приклепали эти плоские детали к целому листу так, что получились формы для плоских кольцевых прокладок. Головки заклепок сделали «впотай», потому что пробитое бородком в листе отверстие предварительно раззенковали обычным ножом – зенковки в арсенале мастера не было, зато железо мягкое. Ну,

испортили кончик одного из кинжалов с ковра в гостиной, но у нас же есть точило, которое и сталь берет, будь она хоть толедская! Так что следов святотатства никто не обнаружит.

Зачем было нужно делать головки «заподлицо»? Так, чтобы третий лист приложить без просветов, он – крышка готовящегося вулканизатора.

С момента этой трудовой победы характер нашего творчества изменился: мы кроили медный лист и спаивали из него самогонный аппарат... пардон, перегонный куб. Кузнец с этими работами был знаком, а чтобы перестал шипеть на пацанов, маменька по просьбе Софочки назначила ему преподавательское жалованье. Не деньгами, правда, а списанием долга за аренду земли. Ход событий явно указывал на то, что без использования кузницы в учебном процессе нам не обойтись.

За пару месяцев этот самый учебный процесс сложился и упорядочился. Первый урок – грамматика и чистописание. Заметные траты на бумагу. После него дети получают стакан молока и булочку. Учительница тоже, потому что она тоже дитятя.

Второй урок – арифметика.

Третий – природоведение. Тут и из географии кое-что насчет чтения карт и рисования планов помещений и местности. Капелька астрономии, рассуждения о температуре, составе воздуха... Да обо всем вокруг вплоть до круговорота воды в природе, благо дождь со снегом за окном очень способствует.

Затем ученики расплачиваются за полученные знания прилежным трудом, который не всегда в мастерской. Работы по хозяйству обычно координирует Мэри, потому что знает от своей матери, где что требуется сделать. Начиная с удаления продуктов человеческой жизнедеятельности из выгребной ямы под нужником до починки забора – да, время нынче суровое, а дети простолюдинов считаются взрослыми с момента, когда способны хоть что-то делать.

Мы с Софочкой в такие моменты ездим с Джоном в городок по самым разным надобностям или заглядываем к гончару – работы по совершенствованию точильных дисков продолжают. Кроме подбора состава связующего, мы варьируем и качество абразива – камней-то кругом много разных встречается, а растолочь их и разделить на фракции просеиванием нам никто не запрещает.

Вернусь к ученикам. После завершения трудового периода их кормят обедом и распускают по домам. Это уже когда день клонится к вечеру.

Добавлю от себя про тех четверых парнишек, которые «сами пришли». Они – младшие сыновья, поэтому унаследовать дело отца им не светит. То есть и земельный надел, пусть и арендованный, и дом с хозяйством перейдут к старшим. А этим мальчуганам предстоит искать занятие в городе. Так что получаемые знания позволяют надеяться на возможность устроиться лучше. Хотя особого стремления к получению образования в основной массе местных жителей не наблюдается. Похоже, нам достались умнейшие.

Про перегонку нефти особо рассказывать нечего. И вообще мы только бензин извлекли при самом слабом нагреве, а остальное вернули обратно в бочонок, потому что керосин, соляр или мазут нам пока неинтересны. Зато в бензине растворяется каучук. А в получившийся клей мы добавили тонко растолченную серу, размешали и налили в те самые плоские формочки для колечек. Закрыли листом и, подвесив на шести кирпичях, неторопливо нагрели обычными свечами. Как я припоминаю, вулканизация длится где-то с полчаса, а температура для нее нужна далеко не такая, чтобы от прикосновения вспыхивала бумага. Словом, что-то резиноподобное получилось с первого раза, хотя в процессе пованивало не только солевой гарью от свеч, но и бензином, который интенсивно испарялся, прорываясь в виде паров между листами и даже изредка вспыхивая огненными клубами. Небольшая иллюминация получилась, но без ожогов.

Мы меняли количество добавляемой серы, время и температуру нагрева, попутно «изобретая» прототип биметаллического термометра из соединенных заклепками медной и железной пластинок – чем горячее, тем шибче они гнутся.

Попутно пришлось усовершенствовать и прессформу – приделать кольца на верхнюю пластину, чтобы они прижимали будущие прокладки к матрице. К этому моменту уже выяснили, что до температуры плавления олова дело доводить не требуется, поэтому соединение провели пайкой – кислота-то у нас припасена. Нашли опытным путем величину грузиков, которые следует применить для создания давления. Словом, когда закончились бензин и каучук, в нашем распоряжении имелась дюжина вполне приличных резиновых прокладок для стеклянных банок под стеклянные крышки.

А тут новая незадача – соприкасающиеся кромки крышек и банок недостаточно плоские. И выбирать остающиеся зазоры за счет эластичности прокладок некузяво – мы не готовы к созданию прижимного устройства, действующего все время хранения консервов – хотелось обойтись обычной обвязкой через бумажку. Для выравнивания соприкасающихся поверхностей прошли по стеклу точилом с мелкой фракцией абразива – вышло гладко.

Следующий «дополнительный» урок прошел на кухне. Мы просто приготовили тушенку. Четыре банки. Каждая объемом в четыре пинты. Как я понял, это немного меньше трех литров. Но больше двух. Если кто-то сомневается в том, помню ли я рецепт, докладываю, кроме мяса в состав этого продукта допускаются только соль, перец и лавровый лист. Впрочем, отсутствие двух последних компонентов не сильно меняет результат.

Чтобы закрыть тему, сразу замечу: наш ставший уже достаточно дружным творческий коллектив слопал эту тушенку в четыре захода по одной банке с интервалом в месяц. Ни одна банка за время хранения крышку не отстрелила. Ну а я во время приготовления консервов успел поведать о том, что портят продукты микроорганизмы, которые гибнут при нагреве. В моменты употребления не один раз добавил, что остывшая после нагрева тушенка притянула к себе крышку, а тот факт, что плотность не нарушена, проиллюстрировал шипением при вскрытии. Да, бумажку для крепления крышки мы приматывали от всей души. Тут бы, конечно, скобой прижать из пружинистой стали, но пока в этой области мы на нулевой отметке, а как обстоят с этим дела в окружающем нас мире, я не выяснил. Не получается вспомнить обо всем вовремя.

До конца учебного года мы успели еще и керосин отделить от остатков нефти и соорудили обычную керосинку с фитилем. Фитиль быстро прогорал, а вытаскивать его приходилось щипчиками. Но, в принципе, система работала. Бетти сразу ввела ее в эксплуатацию и извела весь керосин, когда мы готовили новую порцию тушенки. Для папы. Его ближайшему кругу как раз на четыре каши с мясом. Так что новых технологических прорывов не было. Мы закрепляли достигнутые успехи и перенимали умения кузнеца, работая при нем то чернорабочими, то подмастерьями. Признаться, мне этих знаний и самому не хватало, ведь в старые времена в ходу были многие технологические хитрости, к нашему просвещенному веку надежно забытые за ненужностью.

Как-то незаметно подкрался к концу учебный год. Ученики разборчиво писали, уверенно, хотя и не быстро, читали и умели складывать и вычитать числа в пределах сотни. Повышение же уровня их трудовых навыков я бы оценивать не взялся – многого успели нахвататься, но чего-то уж очень значительного не достигли.

Посаженную в августе картошку мы частично выкопали в конце ноября – она была мелкая и уродила плохо. Зато после хранения в подвале дала всходы. Как, впрочем, и та, что просто пролежала в погребе. И оставшаяся на зиму сидеть в земле. Ту, что из подвала, мы посадили в конце марта – здесь в это время уже вполне убедительная весна.

Сонька с нетерпением ждала возвращения отца и надеялась, что тот снова покатает ее на своем судне. Мэри по этому поводу тоже питала небезосновательную надежду – как же

юная леди сможет обойтись без прислуги! Меня же тянуло в Лондон. И нефти надо закупить как следует, и банок стеклянных заказать в промышленных масштабах, выяснить вопросы с пружинящими материалами, узнать, из чего делают сверла, которыми высверливают пушечные жерла, – знать бы еще, сверлят ли их вообще...

Еще беспокоился, привезет ли отец еще каучука. И можно ли его купить в Лондоне. Или заказать, а то прокладок у нас осталось всего на четыре банки – это же смех на палочке!

Глава 9. Каникулы. Начало

Считается, что каникул очень ждут школьники. Но в нашем случае получилось наоборот – ученики пребывание в нашей школе считали отдыхом от работ по дому. К тому же здесь кормили. Они даже воскресеньям не радовались – если не учеба, то или поход в церковь, или бесконечные вода, дрова, уборка. Хотя обычно и то, и другое, и третье последовательно. На занятиях же их развлекали, а гурьбой даже непростые дела делаются веселей.

В мае пришел из Карибского моря папенька на своем судне и привез фунтов десять каучука. И горсть самородков платины – она все-таки и сейчас драгметалл в какой-то мере. Ходят слухи, что из нее делают очень качественные поддельные серебряные монеты.

Сонька тут же давай проситься с отцом хотя бы до Лондона. Однако надеялась на продолжение круиза и участие в каботажных рейсах в окружающих остров водах. Как-то вот стремилась она в моряки, хотя мне это не слишком нравилось – не женское дело болтаться в океанах. Может быть, из-за чувства протеста, что не парнем родилась? Не все ее мысли мне доступны.

Насчет «до Лондона» она договорилась легко, но тут взмолились наши школяры – им хочется по-прежнему каждый день приходиться в этот дом и напряженно учиться. Так, по крайней мере, заявили четверо добровольцев. А у меня тоже душа неспокойна, потому что корабельному камбузу нужен керосин для керосинки, а корабельная кладовая просто изнывает из-за слабого заполнения тушенкой. И ведь эти парни способны и бензин выгнать, и керосин, и резиновых прокладок наштамповать, и даже тушенки закрыть. При своевременной доставке нефти, потому что каучук и сера в наличии имеются. И исправное годное к немедленному использованию оборудование. Так возникла мысль о летнем детском трудовом лагере при нашей школе.

* * *

– Говоришь, мясо из этих банок через полгода хранения имеет вкус свежеприготовленного? – отец с интересом рассматривал содержимое через мутное грязное стекло с пузырьками в толще стенок.

– Я сама пробовала, – подтвердила Бетти. – Даже холодное вкусное, но можно и разогреть, и в кашу добавить. А стояли эти банки вот тут же на полке, как и эти. В погреб их не уносили. Сказали, что так экскременты чище.

Отец бугэгкнул про себя, но поправлять кухарку не стал.

– Чтобы наготовить этих мясных консервов на рейс через Атлантику, нужно, чтобы наши школяры сделали это все здесь, где имеется готовое оборудование, после получения большой бочки нефти и банок, которые я закажу стеклодуву, – это я говорил устами хозяйки. Однако Сонька перехватила управление и продолжила: – Еще они извлекут из нефти керосин для керосинки, на которой значительно удобней готовить, чем на костре в трюме. Потому что мы должны этим летом быть вместе с тобой в плавании, а они сами справятся.

«Старостой Билла назначь», – изо всей силы подумал я.

– За старшего оставим Уильяма из Долгих Вязов. Он и годами посолидней, и разумом крепок. Опять же его слушаются. И вообще, дело добровольное, но они сами хотят помогать кузнецу и чистить нашу конюшню, – Софи старательно косила под маленькую, при этом смеющаяся фокус беседы в сторону от главной для нее темы об участии в каботажных плаваниях, которые естественно вплетены ею в картину создания продуктового изобилия для экипажа отцовского корабля. То есть логический провал в своих высказываниях прятала за болтовней,

невольно при этом упуская из виду еще один аргумент, предусмотрительно нами приготовленный – возможность заменить костер на полу трюма керосинкой.

Папенька взял с полки одну из банок, ножом перерезал шнурок, снял бумагу и пальцами попытался открыть крышку. Та поддалась не сразу, но потом отошла со звучным чпоком. Находящиеся тут же на кухне Ник и Майкл мгновенно вооружились ложками, одну из которых отец решительно реквизирует и запустил в сосуд. Зачерпнул, отправил в рот, прожевал, проглотил и повторил.

– Полтора месяца тут простояла, – воспользовавшись тем, что Софья ослабила контроль, доложил я ее устами.

«Действительно. И как ты все помнишь?» – удивилась девочка мысленно.

– Подходяще, – одобрил папенька после третьей ложки.

– Ура! – завопила Сонька, бросаясь к нему на шею, как будто прозвучавшее одобрение является обещанием взять ее в плавание. Грязный женский приемчик. Надо же, такая маленькая, а какая коварная! И наверняка матушку уже подговорила поспособствовать.

* * *

Вот так и решился вопрос с детским летним лагерем в усадьбе скромного землевладельца и поездкой двух маленьких девочек на судне, находящемся в каботажном плавании. Кстати, наряды для этого путешествия уже тщательно продуманы и даже сшиты. Варианты «два юнга» и «госпожа со служанкой» обеспечены и гардеробом, и аксессуарами. Я в эти вопросы почти не вмешивался, только когда выбирали фасон головного убора для юнг, посоветовал остановиться на треуголках, споров с них мишуру и повыдергав перья, а то зацепятся за что-нибудь бахромой или плюмажем. Девчатам же они нужны, чтобы под них косы прятать. Те, которыми легче легкого прилипнуть к смоленому канату.

Чем нехороши прошлогодние обычные шляпы? Так широкими аэродромами и без бахромы легко куда угодно вляпаться, а узкие поля как-то нынче не в ходу. В общем, дело это бабское – мне без разницы.

* * *

В этот раз в Лондоне нам с причалом не повезло. Пришлось пару дней простоять в ожидании очереди на разгрузку. Мы с Мэри съехали на берег в сопровождении все того же прошлогоднего Джона и посетили две первоочередные точки. Стеклодувную мастерскую и лавку с нефтью. Заказали сорок банок с крышками, а с покупкой нефти спешить не стали – лучше все вместе отправить. Навестили тетюшку Аннабель. Там все здоровы, да и письма от сына приходят – он, как и собирался, плавает юнгой. Но останавливаться в ее доме не стали, а в сопровождении матроса прошли по мастерским – когда рядом взрослый дядька, девочек не прогоняют. Но места, где сверлят пушки, мы не нашли. И еще хотелось увидеть пружины, используемые в кремневых замках, и узнать, как им придают упругость. Мастерскую, где делают пистолеты, мы отыскали, но отвечать на наши вопросы никто не стал. В общем виде про то, что нужно выбрать правильную сталь и умело провести закалку – это нам все легко рассказывали, но никаких деталей процесса не объяснили. Обоих процессов. И выбора стали, и проведения ее термообработки.

В мое время о сортах металлов были и справочники, и ГОСТы, а термические участки на производствах имели написанные техпроцессы и специалистов, которые в них понимали. А нынче, чтобы узнать хоть что-то ценное, нужно засылать на объект промышленного шпиона, чтобы под видом ученика все увидел и смекнул, уже хотя бы в основах дела разбираясь.

Наш-то кузнец тоже и закаляет стальные изделия, и отпуск им дает, да и стали по разным признакам оценивает перед тем, как купить полосу в городке, но особо упругого, годного для изготовления пружин у него ничего не бывает. Общее впечатление, будто в разных местах выплавляют с разными хитростями железяки с разным содержанием углерода, но там и легирующие добавки варьируются в зависимости от состава местной руды. Да и количество углерода в том, что выходит, не слишком постоянно, потому насчет «тщательно проковать» – самая распространенная рекомендация. Ну и про цементацию железа – выдержку металла в угле без доступа воздуха при высокой температуре, чтобы углерод «впитался», – это нынче известно. То есть общие положения считаются очевидными, но лично мне катастрофически не хватает конкретики.

Как-то стало меня отклонять в пользу бронзы, которая хоть и недешева, но более предсказуема. И прочность имеет приличную, и отливаются достаточно точно. Тут, кстати, вспомнился баббит для подшипников. Да и чугуны кое-где послужат. Ну а железными или стальными деталями придется выполнять только отдельные элементы конструкции. Прежде всего меня интересуют шестерни. Хотя бы пара с передаточным числом ровно два, потому что без такого перехода мне четырехтактного двигателя не соорудить – клапана-то относительно хода поршня нужно приводить в движение через раз.

И тут острым колом встает вопрос о поршневых кольцах – вот где без пружинистого металла не обойтись! И тут в мозг стрельнуло. Латунь же обладает упругостью.

В этот момент я почувствовал себя счастливым – все материалы, необходимые для создания двигателя внутреннего сгорания, в моей голове собрались. Осталось, собственно, только сделать работающий образец.

«Как я поняла, ты собираешься сделать штуку, которая позволит папиному судну идти без парусов или весел?» – возникла в моем сознании Софи. Ответа она требовать не стала – восприняла образ колесного пароходика, бодро идущего по реке навстречу течению.

С папиного флейта сгружали большие бочки и сразу увозили куда-то. Судя по надписи, в них был ром. На глазок, если прикинуть по двести литров в бочке – тонн двести. Приглядывал за этим знакомый с прошлого года дяденька, который в тот раз ехал пассажиром. Невольно возникла догадка, что имеет место постоянная доставка крупной партии крепкого бухла через океан, для чего и гоняется флейт на Карибы. Туда, где из сахарного тростника этот ром и гонят.

Хорошее время для отплытия в Центральную Америку – конец августа или начало сентября, чтобы проскочить перед началом штормов в Бискайском заливе и не вляпаться в конец сезона ураганов в тропиках. Оттуда же сюда – февраль-март. Но в промежутке между этими переходами парусник тоже не простаивает без дела, занимаясь местными морскими перевозками, если в ремонте не стоит. Судя по всему, эта стратегия приносит прибыли, которые отец охотно вкладывает в дочерей. Явно ведь заметно, что любит своих лапушек. Ну а мы с Сонькой с удовольствием ему поможем. Хотя бы с провизией для экипажа. Жалко, что я так мало понимаю в парусниках – не уверен, что соображу насчет хоть какого-то улучшения.

«Сообразишь, – прямо в мозг хмыкнула Сонька. – Ты хорошо соображаешь. А у папы работа очень опасная. Мы с мамой за него ужасно волнуемся. Но, помнишь укусины в трюме в прошлом году? С тех пор течь так и не открывалась. А то после каждого перехода через океан приходилось конопатить из-за расшатывания во время штормов. Теперь папа верит в меня... то есть в нас с тобой. Так этот свой мотор ты когда собираешься делать?»

– Вы тут долго стоять собираетесь? – улыбнулся отец, приблизившись к нам с Мэри, созерцательно наблюдающим процесс выгрузки.

– Не стой под грузом, – машинально ответил я. – Маленькие не должны мешать взрослым, – тут же повторила эту мысль Софи. Мы с ней пользовались речевым аппаратом, легко перехватывая эту возможность друг у друга.

– Может быть, пройдем в трактир и пообедаем, сэра Джонатан? – включилась в беседу Мэри. – Нам Джон показывал тут одно приличное место.

Папенька посмотрел на служанку, как Снейп на Поттера, но только кивнул в ответ. В эту эпоху не принято, чтобы прислуга говорила без прямого указания хозяина.

Сидя в знакомом с прошлого года зале и уплетая отлично приготовленную баранину с фасолью, я боролся с желанием начать задавать вопросы. А вот моя хозяйка не боролась.

– Пап! А твоему экипажу хватит сорока банок тушенки на путь туда и обратно? – спросила она совсем не о том, о чем думал я. – А для чего на якоре такое длинное бревно поперек плоскости лап? – это уже я поинтересовался.

– Если это бревно упадет на дно плашмя, то одна из лап вонзится в грунт и зацепится. А если плашмя упадут лапы, то бревно встанет торчком, но канат начнет тащить его по дну и свалит набок. Вот тут-то одна из лап и вопьется в грунт. Ну а бревно называется штоком, – с улыбкой ответил отец. – А этой вашей тушенки нужно хотя бы банок двести. А лучше двести пятьдесят. Переход через океан может продлиться и восемь недель, и десять, а кушать полсотне человек нужно каждый день.

Вообще-то мы с Софочкой не первый раз вот так раздваиваем действия. Мозг у каждого работает независимо. Бывало даже писали двумя руками каждый свое. Еще бы научиться глаза на разные объекты направлять – получилось бы настоящее «два в одном» или косплей хамелеона. Зато обычные дела делаем, будто обе руки правые. Вот сейчас орудуем вилкой и ножиком так, что любо-дорого. Ловкость для семилетнего ребенка просто-таки невероятная.

– Папа! А вот этот ром, который ты привез, он чей? – интересуется моя маленькая хозяйка. Конечно, подслушала мысли и скорее ринулась за разъяснениями.

– Мой. С Рио-Кобре. Это на Ямайке неподалеку от Кингстона.

Просто чувствую, как распаиваются наши с Софочкой глаза:

– В самом рассаднике пиратства? У них же там сейчас... Гнездо, – подсказываю я. И продолжаю: – Благородным джентльменам удачи очень нравится ром. А еще им нужны порох и ядра.

– Ты очень понятливая, – кивает папа. – Спрашивай. Видно ведь, что тебе невтерпеж.

– Ром ваш. Но не у пиратов же вы его покупаете?!

– Совсем наоборот. Это они покупают его у меня. Вернее, содержатели кабаков из Кингстона. Делают же его милях в двадцати вверх по реке в поместье, которое раньше принадлежало родителям твоей мамы, а после захвата Ямайки стало моим.

– И что случилось с моими бабушкой и дедушкой? – не отвязывалась дочурка.

– Они благословили наш с твоей мамой союз и остались жить, где жили, управляя всеми делами и контролируя расходы. Тот факт, что владею землей и всем, что по ней бегают, я, их нисколько не заботит.

– А почему вы с мамой безбожники?

– Как-то раз она шепнула мне, что все люди рождаются, не веруя в Создателя. И попросила самому подумать, что из этого следует.

– То есть я тоже родилась неверующей? – на этот раз глаза распахнула Мэри. – А потом меня убедили...

– Не огорчайся, – положил я Софочкину руку на плечо подружки. – Ты не хочешь огорчать папу с мамой и ведешь себя, как верующая. Я тоже не хочу огорчать папу с мамой и веду себя, как неверующая. А что там мы сами про себя об этом думаем, об этом никто не узнает. Главное – не попадаться.

Глава 10. Коррективы

Как-то душевно нам сиделось в кабаке, куда привела нас Мэри. Папа рассказывал обо всяких морских происшествиях, причем все они приводили к нехорошему финалу. Кажется, он просек стремление подружек к мореплаванию и предпринимал серьезные усилия, чтобы убедить их не лезть в мужское дело. И через раз в его повествованиях причиной катастрофы становился или обломавшийся у якоря рог, или оборвавшийся якорный канат. Как-то обычно эти с виду мощные веревочные тросы перетирались обо что-нибудь. Клюз, например. То есть ту прорезь, через которую выставляются из борта. Но и об дно они тоже перетирались, что особенно неприятно, потому что обнаружению этот процесс не поддается и своевременно принять меры не получается.

А еще в не слишком глубоководных гаванях свободные рога якорей, торчащие из грунта, неплохо играли роль рифов, проламывая днища кораблей. Размах-то у них ого-го!

Софочка вместе с Мэри охали и даже вскрикивали в самых впечатляющих местах, а я «срисовывал» фактическую компоненту из этих красочных повествований и напряженно размышлял – вякать мне было некогда. Правильный якорь вспомнился мгновенно. Не знаю, как этот конструктив правильно называется, но на моторке, которую я использовал для выездов на рыбалку, такой имелся. Две лапы двузубой вилки без рукоятки качались вверх или вниз, потому что являлись единым целым. Между ними проходил тот самый шток, к концу которого крепится канат. Относительно него, если расположить его горизонтально, эти лапы поворачивались градусов на тридцать-сорок вверх или вниз. Если тянуть это по грунту, то вниз, потому что там еще ребра были на обойме в районе шарнира, которые, цепляясь за этот самый грунт, направляли рога вниз, где те работали на манер плуга. Но развернуться назад более чем на заданный угол рогам якоря не позволяла конструкция самой обоймы – ее края утыкались в шток как раз на этих предельных углах.

Однако нагрузка на металл выходит неслабая! Софочка, слушая отца, жестом потребовала у Мэри из сумочки бумагу и карандаш, которые положила у нас перед правой рукой, где я и принялся набрасывать эскиз – старые навыки никуда не девались, отчего зародыш чертежа получился внятным.

– Сломается, – буркнул отец, скосив взгляд на искусство дочки.

– Из орудийной бронзы? – ехидно покосилась на него малышка.

– Отлить? – уточнил шкипер.

– А потом собрать.

– Покупайте все, что нужно, забирайте нефть, сколько продадут, заказывайте три сотни стеклянных банок и возвращайтесь домой. Мне это еще вчера было нужно.

– Пап! Тут отливки с трехфунтовку весом, – жалобно протянула Софочка. Она из моих соображений уловила, что на этот раз речь идет о вещах монументальных, по сравнению с которыми наши чугунные валки совершенно не смотрятся.

– То есть отливать нужно там, где делают пушки, – кивнул своим мыслям отец. – Ладно. Дело к вечеру, а утро вечера мудреней. Марш на корабль! Джон! – повернулся он к нашему пестуну. – Леди должны приступить к отдыху как можно скорее, чтобы утром были свежи и полны сил. Хокинсу передай, что может осматривать трюм, как только судно перейдет на рейд. С фрахтом нынче как-то неважно – цены смешные, а предложения категорически неудобные. Так что половину команды можно отпустить на берег на два дня.

– Мисс Коллинз! – повернулся он к Мэри. – Надеюсь, вы похлопочете об удобном номере для моряка с дочерью и служанки.

– Эм, сэр! А разве мы с Софи будем ночевать не на корабле? Вы ведь это приказали Джону! – удивилась наша подружка.

– Действительно, – нахмурился папенька. Его взгляд так и остался прикован к эскизу. – Мэри! Возьми, наконец, себя в руки и реши этот вопрос, не озадачивая хозяев!

– Да, сэр, – покладисто согласилась служанка и сделала Джону сигнал следовать на выход, вслед за чем испарилась с ним на пару.

Как только мы остались вдвоем, отец слегка расслабился лицом и сказал:

– Вот не знаю, радоваться или пугаться. Если бы верил в божественное, сказал бы, что тебя поцеловал ангел.

Сонька, конечно, расчувствовалась, а меня занимали более существенные вопросы – цепь. Я их перевидал много самых разных, отчего прекрасно знаю – рвутся они всегда по месту сварки. Если сварка качественная, то не рвутся, кроме случаев, когда нагрузка запределная. Но тогда уже и не разберешь, где что лопнуло, потому что все разлетается в хлам. Еще бывают клепаные цепи. У них те же недостатки, что и у сварных. Просто работать с такими проще. В смысле расцепить или сцепить.

Так вот, нынешняя сварка называется кузнечной, то есть разогретые части сковывают между собой ударами. Как-то не вызывает этот прием доверия, тем более ума не приложу как проверить прочность соединения. Зато отлично помню цепочки от унитаза – вот уж что никогда не рвалось! Могло отлететь от рычага или от рукоятки, если сборка была проведена без мозгов, но обрыва на самой длине этой цепи я не припоминаю. Потому что металл в ней был сплошной. Пластина с двумя проушинами на окончаниях проходила сквозь две сложенные вместе проушины до середины, сгибалась так, чтобы ее проушины сложились, и то же самое повторялось со следующим звеном. Чтобы такое разорвать, необходимо усилие, разрывающее сплошной металл.

В случае с удержанием на якоре корабля требовалось просто выбрать достаточно толстый лист, из которого и наштамповать звеньев. Хотя речь пойдет о не самой тонкой полосе. И я не готов к тому, чтобы использовать для прорубания ушей холодную штамповку. Однако в кузнице мистера Смита все возможно с небольшими поправками молотком после достаточного разогрева заготовки.

Вот такого задумавшегося Софи и перенесла меня в своей черепашке напрямик на папенькин кораблик – Мэри с Джоном решили, что там нам будет удобней.

* * *

– Пап! А ты не знаешь, где-нибудь делают восковые фигуры? – Софи внимательно ознакомилась с моими соображениями и с самого утра, завтракая в капитанской каюте, приступила к изучению вопроса о реализуемости того, о чем я успел передумать.

– Из воска лепят свечи, – припомнил капитан. – Еще им натирают разные вещи, которые нужно защитить от порчи.

– А статуи из бронзы отливают? – это уже я спохватился и вступил опять же Сонькиным голосом.

– Статуи? – переспросил отец. Он очень быстро соображает. Встал, выглянул за дверь и позвал боцмана: – Уилкис! Пошлите в город десяток расторопных парней. Пусть выяснят, кто занимается отливкой скульптур из бронзы. Только без лишнего шума. По-тихому.

Мы слышали, как от борта отходила шлюпка и как вскоре вернулась. Заглянул Хокинс:

– Шкипер! Может, встанем в сухой док?

– Да, договаривайся. И, когда появится возможность, сразу загоняйте «Агату». Мы ненадолго съедем на берег. Выдели нам в сопровождение шестерых парней.

До нефтяной лавки мы дошли на шлюпке с веслами – эта торговая точка располагалась около берега. Матросы в веревочной сетке переносили бочки на небольшое парусное судно, упомянутое как буер, а мы закупаем полосовое железо, чушки латуни и бронзы, слитки чугуна.

Листовые медь и медная проволока были тоже прихвачены нами в гомеопатических количествах – потому что дорого и нам много не надо. И олово – как же без него! Представляю себе, что думал хозяин, когда две кисейные барышни то постукивали по его товарам молотком, обсуждая звучание, то царапали поверхность, задумчиво разглядывая оставленный кончиком ножа след. А потом по команде джентльмена то, что понравилось маленьким девочкам, уносили джюие дядьки, судя по одежде – моряки. Потом мы посетили третье место, где ограничились одной бутылкой кислоты – мы же собираемся в том числе и паять. Я имею в виду план школьных занятий на другой год. И не ограничились одним мешком серы для вулканизации каучука.

Затем был визит к стеклодуву, где работы над нашим заказом уже начались. Как раз первую банку закончили и выдували вторую. Здесь мы сообщили о намерении приобрести всемеро больше посуды, чем собирались – увеличили размер задатка и определились со сроком исполнения. Так до вечера и хлопотали под присмотром папеньки и все того же Джона.

Уже в гостинице, куда мы поселились, выяснилось, что ваятель в городе найден – значит, завтра новые хлопоты. А флейт наш заводят в сухой док, где его будут чинить.

* * *

Ваятелей нашлось три. Двое пользовались деревянными моделями, извлекая их из формы после ее просушки. Никакого обжига формы они не проводили. Третий отливал плоские изделия – декоративные накладки. То есть лил в землю, после чего дорабатывал изделие молотком и наждаком, наводя лоск финальной полировкой. Э-э! В сухую землю лил. Без облепливания. Не наш вариант, хотя изделия у этого мастера были знатные.

Восковые модели, растапливающиеся при заливке горячего металла, не использовал ни один, зато все трое вспомнили, кто занимается такого рода литьем. Однако там речь шла об оловянных статуэтках. Но тут был важен навык делать из не самого прочного материала сложной формы объемные прототипы отливок.

Вот этот человек и вылепил восковые модели всех трех деталей. Правда, одна из них была осью, то есть цилиндром по форме, да и скромной размером.

Глиной их этот мастер облепил осторожно и качественно, после чего оставил сушиться. Мы было дернулись подкупить еще кое-чего для школьных нужд, да не тут-то было. Оказалось, что буер с покупками уже ушел, так что до его возвращения лучше с новыми приобретениями не торопиться – негде хранить, потому что флейт уже в доке. Сонька с Мэри гуляли, разглядывая ремонтирующиеся и строящиеся суда. Слушали разговоры зевак и изнывали от нетерпения. Однажды к нам привязались какие-то пьяницы. Пока Джон от них отмахивался, подоспели еще четверо матросов с «Агаты». Сказали, что случайно проходили мимо. У меня возникло подозрение, что эти парни нарочно прогуливались неподалеку от нас. Про то, как улепетывали приставалы, упоминать не стану. Самое страшное то, что девочки заскучали. И тут само Провидение пришло к нам на помощь.

– Бизань на флейте не латинская, – произнес незнакомый голос. Его обладатель смотрел в сторону дока, над которым виднелись мачты нашего судна.

– И дерево у этой бизани составное, с крьюис-стенгой, – продолжил прозвучавшую мысль собеседник. – Неудачно как-то это все. Не как у других.

Услышав столь категоричное мнение, я принялся всматриваться в корабли, которых немало было в поле видимости. Разглядывал задние мачты. Действительно, повсюду длинный наклонный рей, концы которого вывешиваются далеко за борта. А у некоторых таких мачт даже две. Правда, все они сильно ниже остальных. Только на кораблике нашего папули задний парус выглядит так, как на привычных мне парусниках начала эпохи пара и далее до наших

дней. Как флаг – весь по одну сторону мачты растянута между гиком и гафелем. Если со временем моряки пришли к такому варианту, значит, он чем-то лучше. Похоже, наш батя новатор.

«Ну, он интересуется новыми выдумками на кораблях, – мысленно пожала плечами Софочка. – А задняя составная мачта есть еще и на вон том корабле. Высокая. Кажется, это галеон».

«Я думал, что галеоны бывают только у испанцев».

«Я и сама не уверена. Так, запомнилось из картинок в прошлом году».

* * *

Отливали части новых якорей в совершенно другой литейне – в Королевском арсенале, в Вулвиче, как раз там, где делают пушки. Вообще-то они и из чугуна льют, и из бронзы, но чаще из чугуна. Для нас было важно, что порции расплава здесь хорошего объема.

К самому процессу нас близко не подпустили – жидкий металл опасное соседство. Про то, что уже занимались литьем из чугуна, мы кричать не стали, чтобы не разрушать образа маленьких девочек. Только попросили заливать расплав тонкой струей, на что нам ответили, что и без нас знают. Воск при отливке безвозвратно погиб, буквально испарившись, однако, после остывания и разбивания форм, вышло то, что нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.